
Огонек
6

Военврач 3-го ранга Валентина Афанасьевна Плющ *Фото М. Бернштейна*

На обложке: Награжденная медалью „За боевые заслуги" военфельдшер Е. А. Кирилова. Фото Н. Петрова.
На последней странице обложки: Депутат Верховного Совета РСФСР, секретарь Московского комитета ВЛКСМ З. Т. Федорова, избранная делегатом на партийную конференцию Московского автозавода имени Сталина, регистрирует свой мандат. Фото Л. Смирнова.

18-й год издания

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 6

(693)

29 февраля

1940 года

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни.

Возможность осуществления этих прав женщин обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских ясель и садов.

Статья 122 Конституции СССР

Счастливо живут женщины страны победившего социализма, познавшие радость свободного труда и радость материнства!

Фото С. Фридлянда

Валентина Хетагурова

Депутат Верховного Совета СССР

БОЕВЫЕ ПОДРУГИ

Всякий раз, когда я нахожу новые женские имена в списках награжденных за мужество и отвагу, я невольно вспоминаю о первых шагах боевых подруг.

Ведь стремление девушек на Дальний Восток, приехавших туда по моему призыву и названных впоследствии «хетагуровками», было тесно связано с движением боевых подруг.

В 1932 году семнадцатилетней комсомолкой я поехала на Дальний Восток. На Дальнем Востоке понадобились работники разных профессий: чертежницы, техники, счетоводы, — и ЦК ВЛКСМ начал проводить мобилизацию комсомольцев в пограничные районы ДВК. По возрасту я не подлежала мобилизации. На Дальний Восток я решила поехать добровольно.

Меня направили в поселок на берегу Охотского моря. Здесь я работала чертежницей и через год вышла замуж за командира воинской части майора Хетагурова.

К маленькому поселку вплотную подступала тайга. Весь поселок состоял из нескольких деревянных избушек без всяких удобств. Блюдце с постным маслом, в котором плавал скрученный из ваты фитилек, заменяло электрическую лампочку. Командиры и бойцы жили в палатках и землянках, в наскоро сбитых бараках, не защищавших ни от дождя, ни от снега.

Отсюда началось наступление на тайгу, в котором мы, женщины, тоже приняли участие.

Мы начали с того, что стали помогать нашим мужьям достраивать и оборудовать квартиры. Это было нелегко. Чтобы врыть в землю столб, нужно было два—три дня жечь костры, пока оттаивала мерзлая земля. Мы, женщины, засыпали потолки, конопатили мхом стены, окапывали завалинки, убирали щепу. Накопали белой глины и, смешав ее с зубным порошком, обмазывали ею стены. Это сразу же придало жилищам чистенький и веселый вид. Потом принялись за казармы. Решили сделать их уютными и красивыми, чтобы бойцам было приятно там отдыхать. Собираясь вместе по вечерам, шили занавески, подрубали скатерти и салфетки. Из самой обыкновенной байки наделали ковриков, из шолковых лоскутков смастерили абажуры.

Когда бойцы ушли в поход, мы выскоблили из казарм всю грязь и пыль, протерли окна и повесили на них занавески. Между кроватями постелили коврики, расставили изготовленные по нашему заказу тумбочки, накрыли их салфетками, поставили графины с водой. Через всю казарму протянули длинную байковую дорожку.

Казармы преобразились. Вернувшиеся из похода бойцы не поверили своим глазам. Это был для них необычайно приятный и радостный сюрприз.

Постепенно мы начали развивать большое подсобное хозяйство. Завели кур, поросят и даже коров. Чтобы предупредить появление цынги, стали заготовлять на зиму бруснику и чернику, варили из них отличный кисель для бойцов. Мы очень заботились о том, чтобы в столовой была всегда вкусная, разнообразная пища.

Став застрельщицами большого общественного движения среди жен командиров, мы уже не могли остановиться на полпути. Организовали курсы кройки и шитья, чертежниц, телеграфисток, связисток. После того как постройка детского сада и школы для ребят разгрузила нас от части домашних забот, начали заниматься спортом и военным делом, сдавать нормы ГТО, ПВХО, ГСО. Многие из нас стали ворошиловскими стрелками, ворошиловскими всадниками.

В конце 1936 года жены командиров и политработников Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии выбрали меня делегаткой на Всесоюзное совещание жен командного и начальствующего состава РККА.

Трудно передать радость и волнение, которые я испытала, когда впервые в жизни увидела наших дорогих вождей товарища Сталина, Молотова, Ворошилова и всех членов Политбюро.

В Большом зале Кремлевского дворца собрались три тысячи боевых подруг.

Начали выбирать президиум, и я вдруг услышала свое имя: Валентина Хетагурова.

Поздоровавшись со мной, товарищ Ворошилов представил меня товарищам Сталину и Серго Орджоникидзе.

Выступая на совещании, я рассказала о своей работе.

Я не предполагала, что наши скромные достижения получат столь высокую оценку. Через несколько дней я прочла в газете о награждении меня орденом Трудового Красного знамени.

Возвращаясь домой, на Дальний Восток, я думала о том, что должны мы, женщины, сделать, чтобы добиться еще лучших результатов.

Ведь нас была в поселке только горсточка—несколько женщин, обремененных кучей ребят. Если бы нас было больше, мы, наверное, смогли бы добиться еще больших успехов.

Эти мысли и побудили меня от имени молодых дальневосточниц обратиться с призывом к советским девушкам, предложить им приехать строить новую жизнь в далекий, но чудесный край. Результаты этого обращения, как известно, превзошли все ожидания. На мой призыв откликнулось около пятидесяти тысяч девушек, пожелавших навсегда связать свою судьбу с Дальним Востоком. Молодых патриоток направили на большие новостройки, в колхозы, совхозы и на рыбные промыслы. Многие из них, впоследствии стали боевыми подругами, женами командиров.

Они сумели доказать свою преданность родине во время событий у озера Хасан, когда оголтелый враг сделал попытку напасть на нашу землю. Большинство боевых подруг и комсомолок работало тогда в санитарных частях. Они ухаживали за ранеными. Своей самоотверженной работой они сохранили не одну жизнь.

После первых боев на сопке Заозерной в двух километрах от боевых позиций расположились перевязочные пункты. В первой из палаток работала жена лейтенанта комсомолка Надя Глотова со своей подругой женой ветврача.

— Найдите наших мужей, — сказали они отправлявшимся подбирать раненых санитарам, — и скажите им, что мы тоже работаем на фронте и если удастся встретиться, то только после победы.

Жена майора Людмила Витальевна Соленова, как только стали прибывать раненые, пошла работать медицинской сестрой. Бойцы сообщили ей, что ее муж бодр, жив, командует. После взятия сопки Заозерной майор Соленов был ранен, его привезли в госпиталь, и в дверях он встретился с женой.

Пожав здоровую руку мужа, Людмила Витальевна поспешила

Борис Ковынев

ЧАДРА

— Надень чадру! Не то... убью!
(Ты стал с кинжалом у порога)
Проклятие и гнев пророка
Падут на голову твою!

— Ахмет,— сказала я в ответ.—
Не будь глупцом и сумасбродом.
Пророка нет! Перед народом
Ты будешь отвечать, Ахмет!

И, отстранив рукой клинок
Холодного как смерть кинжала,
Я встала пред тобой. У ног
Чадра измятая лежала.

Она казалась мне теперь
В клубок свернувшеюся коброй.
Я распахнула настежь дверь...
— Пойду! Страна моя, день добрый!

Был день-красавец. У ворот
Плескалось шолковое море.
К трибунам в праздничном уборе
Шел легкой поступью народ.

Дрожа от свежести земной,
Бежал ручей. И я бежала.
Но ты помчался вслед за мной,
Кинжал в руке сверкал как жало

В другой руке ты нес чадру.
Широкий ветер над оврагом
Раздул ее, и черным флагом
Она повисла на ветру.

Навстречу шла толпа ребят.
И самый шустрый без опаски
Спросил тебя: «Вы кто? Пират?
А из какой вы, дядя, сказки?»

«А ваш кинжал,— спросил другой,—
Картонный или из металла?»
Малыш потрогал сталь рукой,
И все вокруг захохотало:

Смеялся ветер, в рог трубя,
Смеялось солнце над горою,
И я смеялась, но не скрою:
Мне было стыдно за тебя.

С презреньем отошла я прочь,
А ты стоял угрюм и жалок.
В твоей руке чадра лежала
Как в узел свернутая ночь.

вернуться к бойцам. Пять дней и пять ночей без отдыха провела она у постели больных. За это время на лицах тех, кто несколько дней назад корчился от боли, появились улыбки. Спокойно засыпали те, кто бредил, будучи без сознания. Они просыпались с ясными, светлыми глазами, а она все не смыкала своих глаз. Соленова ушла отдохнуть только по дружному настоянию бойцов.

●

Женщин не призывали, не мобилизовывали, но в годы гражданской войны их можно было встретить на всех фронтах. Они шли туда добровольно сами, шли потому, что не могли оставаться в стороне от борьбы, которую вели их мужья, отцы, братья. Многие из них становились во главе большого отряда красноармейцев и первые бросались в бой, увлекая за собой остальных.

В наши дни советская женщина имеет узаконенное право вместе с мужчиной защищать свою родину. По закону о всеобщей воинской обязанности, женщины, имеющие медицинскую, ветеринарную и специальную техническую подготовку, могут быть призваны в армию и флот для несения вспомогательной и специальной службы. Этот закон определил место женщин в Красной Армии. Он указал тот путь, по которому должны идти женщины, стремящиеся в армию.

После Хасана, по требованию женщин, по всей стране развернулись курсы медсестер. Многие жены командиров влились в ряды медработников. Мне хотелось бы рассказать о некоторых из них.

«...Как только нас внесли в приемную госпиталя,—пишут бойцы Н. З., В. Б. и Б. Н.,—подошла жизнерадостная белокурая девушка, она расспросила о самочувствии, напоила нас чаем. Уложив на койку, девушка была почти неразлучна с нами. Она вовремя поправит одеяло, подушку, накормит, вовремя сменит бинты, подаст воды умыться. А то просто в свободную минуту сядет и ведет с нами дружескую беседу. И так легко становится на душе при виде этой чуткой, внимательной девушки, при теплых, ласковых ее словах, чувствуешь, что скорее выздоравливаешь. Горячая наша благодарность Александре Коноваловой».

Батальон шел в наступление. Противник не выдержал решительного напора наших частей и отступил. Окопавшись за высотой К., он осыпал градом пуль и снарядов поляну перед холмом. Врач Татьяна Петровна Павлинова легла в укрытие и наблюдала за ходом боя. Вдруг один боец упал. Татьяна Петровна поползла к раненому. Раненый боец, увидев ползущую женщину, закричал:

— Товарищ врач, не ходите ко мне, не рискуйте жизнью. Я сам как-нибудь выползу.

Но Татьяна Петровна, не обращая внимания на жужжащие вокруг пули, продолжала пробираться к раненому. Она подползла к нему вплотную, наложила повязку и вывела его в безопасное место.

— Ира, туда не ходи! — кричат бойцы маленькой девушке в дубленом полушубке и валенках, снующей по передовым линиям. Но это не помогает. Лекпом Ира Ананьева, еще недавно студентка 2-го курса Медицинского института, не дожидаясь конца боя, принимается вытаскивать раненых из зоны огня. Используя в качестве прикрытия воронки от снарядов, она быстро и осторожно доставляет раненых на перевязочный пункт.

Врач тов. Верова отправляется вместе со своим подразделением. Рискуя жизнью, она следит за тем, чтобы ни один раненый не оставался лишней минуты на снегу.

Лекпом Александра Давыдкина много раз оказывала первую помощь раненым под огнем, проявляя при этом редкую выдержку и хладнокровие. Недавно перед боем она подала заявление о принятии ее в ряды партии. Когда ее ранила пуля врага, бойцы с тревогой и нежностью осведомлялись о ее здоровье. Она успокаивала их: «Рана не такая серьезная, я скоро поправлюсь».

Комсомолка Вера Титкова с материнской заботливостью под огнем противника помогала раненым. Восьми бойцам она оказала первую помощь и вынесла с поля боя. Вражеский снаряд оборвал жизнь молодой патриотки в тот момент, когда она кинулась на помощь девятому бойцу.

Лекпомы Мария Басаргина и Вера Мельникова, операционная сестра Татьяна Павловна Федорова, военфельдшер Зоя Гречухина, врачи Антонина Давиденко, Наталия Белова и Валентина Плющ — имена всех этих женщин с благодарностью произносят бойцы нашей славной армии, защищающей рубежи нашей родины.

В Международный коммунистический женский день мы с гордостью вспоминаем о них.

МОЛОДЫЕ ТАЛАНТЫ. В феврале исполнилось 45 лет существования Московского музыкального училища имени Гнесиных. На снимке: заслуженный деятель искусств, депутат Московского совета, орденоносец Елена Фабиановна Гнесина среди учеников школы.

Фото А. Тулеса

Л. Климович

Конец парандже!

Фото В. Иваницкого и Г. Рубашкина

«Если я пойду в сад, ветер осенний распустит мои косы,
Там отдохну я.
Если я пойду домой, бедная мать слезами оросит мое сердце.
Нет в доме ничего, кроме слез».

Так печально и безрадостно пели женщины дореволюционного Узбекистана. В семье и в обществе женщина была угнетена, находилась на положении рабыни. Существовавшие мусульманские законы освящали и поощряли многоженство, выдачу замуж малолетних, продажу невест. Доля женщины при дележе наследства была равна лишь половине доли мужчины. Свидетельство двух женщин на религиозном суде было приравнено к показанию одного мужчины. Мужчина, купивший себе жену, становился ее полным собственником. Непокорную жену он мог безнаказанно убить.

Выходя из дому, мусульманка должна была надевать особые ритуальные покрывала. Эти религиозные одеяния различны и называются по-разному: паранджа, чачван, чадра, изар и т. д.

В Узбекистане и Таджикистане обычай ношения ритуальных покрывал как пережиток сохранился до сих пор. Еще многие узбечки и таджички носят чачван и паранджу, эти «саваны живых», как говорят на Востоке.

Чачван (иначе «чаш-банд», «чимбет») — это густая сетка из темного конского волоса, закрепляемая на голове и совершенно закрывающая лицо и грудь женщины. Паранджа надевается на голову, сверху чачвана. Это халат с ложными, закинутыми за спину рукавами.

В семьях, где еще поддерживается обычай ношения чачвана и паранджи, чаще всего нарушается советское законодательство о правах женщины. В 12—13-летнем возрасте родители иногда берут девочку из школы и, надевая на нее чачван и паранджу, прерывают ее учебу, выдают замуж малолетних, продают их, преследуют за работу на производстве и за участие в общественной жизни.

Обычай ношения чачвана и паранджи наносит большой вред здоровью женщины, особенно ее зрению, вызывает такие тяжелые болезни глаз, как трахома и глаукома. Под паранджой и чачваном температура на 10—12 градусов выше температуры окружающего воздуха.

Паранджа и чачван — источники грязи и паразитов. По существующему поверью, паранджу нельзя мыть, а появление в ней насекомых будто бы сулит счастье!

Сотни тысяч узбечек и таджичек сбросили паранджу и чачван. Они активно участвуют в хозяйственной и культурной жизни нашей великой родины. Многие узбечки и таджички избраны в Верховный Совет Союза ССР, Верховные Советы Узбекской и Таджикской ССР, в местные Советы депутатов трудящихся.

На строительстве Большого Ферганского канала имени товарища Сталина женщины совместно с мужчинами показали примеры подлинного трудового героизма. В 45 дней был сооружен канал протяженнием в 270 километров. Многие женщины, участвовавшие в строительстве Большого Ферганского канала, сбросили паранджу.

Успешно окончив работу на строительстве Большого Ферганского канала, колхозники приступили к массовому сбору хлопка. В колхозе имени Сталина, Уйгурского сельсовета, Пахта-Абадского района, Узбекской ССР, был организован большой праздник, на котором женщины и мужчины вместе веселились.

Раскрепощенные женщины Узбекистана и Таджикистана работают в цветущих садах, на обильных полях своих республик. Тысячи знатных женщин-стахановок выдвинулись в хлопководстве, виноградарстве, садоводстве.

В Узбекистане и Таджикистане, где до революции царили тьма и мракобесие, расцвела радостная, зажиточная и культурная жизнь. В Узбекистане около 70 процентов бюджета республики идет на социально-культурные нужды.

Дети воспитываются в просторных и чистых колхозных и городских яслях и в благоустроенных детских садах. В колхозе имени Ворошилова, Уйчинского района, Ферганской области, во время работ на хлопковых полях были созданы бригадные полевые ясли и детские сады.

Призыв ЦК ВЛКСМ, Наркомзема и Наркомсовхозов подготовить 100 тысяч трактористок нашел широкий отклик и среди женщин Узбекистана и Таджикистана. В 1939 году колхоз имени Сталина, Уйгурского сельсовета, Пахта-Абадского района, Узбекской ССР, подготовил 34 трактористки. Молодые трактористки овладевают техникой тракторовождения.

Достигнутые успехи велики, но еще бо́льшие задачи стоят впереди. Огромное значение имеет в Узбекистане и Таджикистане борьба против религиозных предрассудков.

15 января этого года депутат Верховного Совета Союза ССР председатель Ленинабадского областного исполнительного комитета тов. Мастура Авезова выступила в «Правде» со статьей «Окончательно уничтожить паранджу». Тов. Авезова считает, что «уже настала пора поставить вопрос об издании правительственного закона, запрещающего носить паранджу, с привлечением к строжайшей ответственности тех, кто противодействует окончательному раскрепощению женщин». Предложение тов. Авезовой нашло горячий отклик. Женщины Узбекистана и Таджикистана требуют издания закона о запрещении ношения, хранения и изготовления чачвана и паранджи.

Марко Вовчек

ГОРПИНА

Марко Вовчек.

Марко Вовчек (1834—1907) — псевдоним известной украинской писательницы Марии Александровны Маркович, урожденной Вилинской.

Жена известного украинского этнографа А. В. Марковича, русская по национальности, она, живя долгие годы на Украине, тщательно изучала быт народа, украинский народный язык, крестьянский быт, фольклор.

В 1857 году Марко Вовчек начала литературную деятельность. В Петербурге вышли ее «Народные рассказы» на украинском языке. Сборник Марко Вовчка был восторженно встречен выдающимися литераторами — Тургеневым, Анненковым, Писемским,— которые увидели в ее рассказах протест против крепостничества и правдивое изображение жизни крепостных под помещичьим гнетом. Близость писательницы к красочному языку украинской народной поэзии, мягкий лиризм в изображении образов крепостных, живая форма рассказа — неотъемлемые достоинства этих произведений, на которых лежит печать влияния поэзии Шевченко. Недаром великий украинский поэт записал в своем дневнике (18 февраля 1857 года) под свежим впечатлением от прочитанных им повестей Марко Вовчка: «Какое возвышенно прекрасное создание эта женщина!.. Необходимо будет ей написать письмо и благодарить ее за доставленную радость чтением ее вдохновенной книги». Шевченко считал писательницу замечательным художником и в стихотворении, посвященном ей, характеризовал ее как «кроткого пророка и обличителя жестоких и ненасытных».

Великие русские критики-демократы Добролюбов и Чернышевский также чрезвычайно высоко ставили творчество Марко Вовчка

Именно ее «Народные рассказы» имели наибольшее художественное и общественное значение. Именно в период борьбы против крепостничества творчество ее достигло наивысшего расцвета.

Помещаемый здесь рассказ «Горпина» — один из лучших в цикле антикрепостнических произведений Марко Вовчка.

1

Старый Якименко женил сына да такую уж невестушку взял, на загляденье! Белолицая, красивая, веселая, а быстрая как зайчик. И в хате и во дворе вьется, порядок наводит, хозяйничает, поет, смеется, и далеко-далеко слышится голосок ее звонкий. Чуть свет, она уже на ногах как ранняя пташка. Хлопочет, бегает и свекру угодит-услужит и мужа приласкает. Работа у нее не стоит — все сделано.

Живут счастливо, согласно; старик, на них глядя, только бога милосердного благодарит. Одно печалило их, что детей господь не дает. Она, бывало, как увидит где-нибудь чужого ребенка, целует его, ласкает, а сама только тяжко вздохнет.

И вот послал им господь — родилась девочка. Любит, балует Горпина свою первенькую доченьку, с рук не спускает. Чуть та проснется, чуть пошевелится — Горпина уж около зыбки: крестит ее, целует, качает и поет над ней. На барщину погонят — ребеночка с собой несет, уложит где-нибудь невдалеке; сама работает, а с девочки глаз не спускает.

Бывало, молодухи шутят.

— А как,— говорят,— ваша дочка, Горпина?

Она и начнет:

— Уже улыбается, сестрицы-голубушки, ручонки ко мне тянет; узнает меня. Ни к кому не идет, только ко мне. Свекор баранкой манил и в ладошки хлопал — не идет! Выйду я из хаты да за дверь спрячусь, выглядываю, а она водит глазенками — ищет меня!

— Умна, умна,— говорят Горпине молодухи.— Готовь-ка приданое да ручники: скоро сватать будут!

А девочка и вправду как цветочек распускается; такой славный ребеночек, веселый, здоровенький на удивление!

2

В ту пору умер наш старый барин, начал молодой хозяйствовать. Старый был нехорош, а этот такой злой, что сохрани господи! Так людей подгоняет, хуже волов. Три дня на барщине работаем, четвертый — на подати, а пятницу и субботу — какую-то толоку выдумали — работать всем миром за угощенье. А какое там угощенье? Не то что пищи,— и хлеба не дают. День за днем, день за днем работаем. Сначала все дожидались: молодой барин добрый будет, ну и дождались себе доброго!

Он был не очень богат, а жить ему хотелось пышно, в большой роскоши, по-барски! Что ему до того, что люди, бывало, на поле падают? Он себе то лошадей заведет таких, как змеи, то коляску купит новенькую, то в город поедет — там поистратится. А нам еще, бывало, говорят соседние мелкопоместные господа (они часто в разговор вступают с чужими людьми, а своих бьют так же, как большие баре — лишь бы рука достала) — так, бывало, и говорят:

— Видно, у вас теперь барин очень добрый! Такое говорит, что прямо беда! Мужиков, вишь, наукам надобно учить, и жалеть, и невесть что. Где-то его больно мудрено научили!

А это и правда — сначала говорил, что и хаты нам поставит новые в три оконца, а потом и старые развалились! Может, его хорошему и научили, да, видно, барскую натуру не переделаешь!

Все село словно стеной придавило: так все приуныли, что смотреть тяжко. Только одна Горпина весела, радуется на маленькую дочку и про общее горе забывает. Да не миновала и ее беда.

Захворал ребеночек, кричит, плачет. Горпина и сама плачет над ним, да ничем помочь не может. Бегал старый свекор к лекарке — нет дома, даже из молодых нет никого: все на барщине. Потом и за Горпиной пришли:

— Почему не идешь?

— У меня ребенок хворает,— говорит она плача.

— Барину работать иди, а до твоего ребенка дела нет.

Должна была пойти. Взяла дочку, завернула и пошла. А она, бедняжечка, кричит и кричит. Дошли. Сам барин встречает, такой гневный — упаси матерь божья! Начал Горпину укорять, а ребеночек на руках так и корчится — кричит. Барин еще больше разгневался.

— Взять этого ребенка,— заорал,— взять! У меня здесь работать надо, а не с ребенком нянчиться!

Приказал десятнику домой отнести.

— Ой, барин, голубчик,— умоляет его плачущая Горпина,— дайте я хоть сама отнесу! Барин, будьте милостивы! Это мой единственный ребенок!

— Неси, неси,— приказывает десятнику,— а ты иди работать, если не хочешь быть наказанной.

Понесли ребенка полем. И долго еще Горпина слышала детский плач, жалобный и болезненный; потом все тише, тише и совсем затих.

3

Как уже она там работала этот день?! Только вечером прибежала домой, аж дух у нее захватывало.

— Дитятко ты мое! Доченька! Смотрели ли вы за ней, батюшка? Скажите, ну что с ней, как?

— Будет убиваться, дочка,— говорит старый свекор,— слава богу, утихла малость.

Да ненадолго: ночью проснулась и опять да еще больше страдает, горит вся. Советовалась Горпина с бабами — ничего не присоветовали, ничто не помогало. А тут уже и день наступает, надо на барщину идти. Вспомнила Горпина, что слыхала когда-то, если ребенок не спит, надо настоять маковые головки на молоке и дать выпить. Так она и сделала. «Пусть хоть она отдохнет—не мучается»,—думала Горпина. Как напоила, ребенок сразу затих, начал засыпать и так крепко заснул, что не вздрогнул даже, когда десятник во все горло крикнул под окном:

— На барщину!

Положила Горпина дочку в зыбку, перекрестила и пошла плача.

Как ее на работе ни ругали, как ни кричали — не слышит, ей бы только вечера дождаться. Перемаялась день. Вот солнышко уже за синюю гору зашло, вот уж и вечер. Бежит она домой, бежит... Вбежала в хату: тихо и темно. Она к зыбке, за ребенка,— ребенок лежит холодный: не шевелится, не дышит.

4

— Отец! — вскрикнула она.

— Что ты, дочка, меня пугаешь? Я задремал, было. Маленькая спит еще.

Горпина ни слова не вымолвила, обхватила дочь руками, так и замерла. Старик опять задремал.

— Огня! Огня дайте! — крикнула опять Горпина.— Отец! Огня!

Старик высек огонь.

«Что это с ней случилось?»—думает, а как засветил огонь да глянул, так и застыл на месте. Стоит среди хаты Горпина, аж почернела вся, смотрит полными ужаса глазами, а на руках у нее мертвый ребенок.

— Дочка,— промолвил старик,— дочка!

— А что,— отвечает,— вишь, как помогло! Затихла моя доченька, не кричит!

А потом как заплачет, как заголосит, и где только эти слезы берутся. Так и льются ручьем.

Услыхали люди, прибежали, расспрашивают, уговаривают. Она словно не слышит, и не оторвать ее от ребеночка.

Собрались хоронить. Гробик принесли, обложили цветами душистыми, травами.

— Горпина,—говорят,— дай ребенка.

Не дала. Сама обмыла его и положила.

Уже время нести, а она стоит, смотрит. Люди с ней говорят — не слышит и не замечает.

Еле отвели ее, взяли гробик и понесли. Посмотрела она тогда впервые вокруг, перекрестилась и пошла. Куда люди идут, туда и она вслед за ними, за гробиком; идет, слова не промолвит. В церкви простояла, будто спокойно, а как стали хоронить,— боже милосердный! — так и бросилась за ребенком в могилу. Еле подхватили ее. Принесли домой как мертвую.

5

Прохворала она тяжело недели три. Да господь помиловал, вернул здоровье, а разума не вернул... Стала она какая-то — будто не в своем уме. Целехонький день ходит молчком да мак на огороде собирает, а спросить: зачем?

— А это,— скажет,— для моего ребеночка.

А зимой все плачет:

— Нет маковок! Чем мне доченьку спасти?

Так еще работает, управляется, а только зацветут маки в огородах, она хату бросит и не уходит от этих маков. Идешь мимо огородов и видишь: сидит среди спелых маков в белой рубашке, разодетая, в монистах, сама еще молоденькая, только бледная-бледная, сидит, забавляется маковыми головками, смеется, как ребенок... А маки густо цветут, красуются вокруг нее.... белым, лиловым, красным цветом... У нас в селе чудесные маки: таких, кажется, и на свете нет.

Перевод ГЕОРГИЯ ШИПОВА

Викторин Попов

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Марфа Семеновна Крюкова, замечательная сказительница, известна всей стране. Ее сказания о славном прошлом русского народа и о его героическом настоящем одинаково близки всем народам нашей великой страны.

В своих былинах Крюкова повествует об утренней заре нашей родины, о времени ее собирания и борьбы за государственную самостоятельность.

«Как во славном-то городе
во Киеве,
Как у ласкова князя
у Владимира
Заводилось пированьице,
почестен пир...»

Были Крюковой — это огромный легендарно-исторический роман, в котором события имеют свою аргументированную последовательность, а персонажи — яркие, индивидуальные характеристики.

Удивительная память Марфы Семеновны хранит такое количество «преданий старины глубокой», что потребовалось несколько лет, чтобы записать ее былины, легенды, бывальщины, исторические песни, сказки. Но и по сей день записано далеко не все.

Весною прошлого года, во время шевченковского пленума Союза писателей, мы как-то шли в Киеве по Крещатику. Над входом в кинотеатр висела афиша кинокартины «Руслан и Людмила». И достаточно было этого повода, чтобы у Марфы Семеновны сейчас же возникли глубокие ассоциации.

Марфа Семеновна Крюкова.

— У князя Владимира было две дочери — Людмила и Светлана,— сказала Крюкова.— Эти дочери были от последней его жены, от Анны греческой. Ну, знаете, от Анны, греческих царей Константина и Василия родной сестры. Из-за Анны все цари иностранные бились с Грецией, но братья отбивались, а вот с киевлянами вышло худо: пришлось отдать сестрицу за Владимира. Хошь Анна и не хотела идти за сына ключницы, боялась она, что не будет у нее в услужении нянек-мамушек, одевать и раздевать ее не будут, что приведется ей стирать белье-рубашечки на всех на русских могучих богатырей. Когда на Анне Владимир поженился, то кумиры языческие побросил, из-за красоты Анны принял веру христианскую. Владимир жалел, что мало с Анной пришлось пожить, женился-то он на ней в пожилых годах. Ну, вот от этой Анны, от третьей жены, и были у него дочери Людмила и Светлана. А раньше-то, когда он был женат на Рогнеде печенежской и на Апраксенье, ляхоминской королевишне — очень она прелестительная была для мужчин,— тогда у него дочерей не было, а были только сыновья: Святополк, Изяслав и другие. Вот и любил-растил тогда князь Владимир двух племянниц — Марфу Митревну, первую киевскую красавицу, и Забаву Путятичну. Дюк Степанович, когда приехал из Индии, говорил князю Владимиру, что Киев ему не пондравился, что улочки в Киеве узкие, грязные, он замарал свои сапожечки сафьяновые, что печенье на пиру у Владимира пахло помелом сосновым, а сам прожил в Киеве семь годочков, это он жил из-за Марфы Митревны, очень красивая она и мудрая была. А другую племянницу, Забаву Путятичну, взял себе в жены Соловей Будомирович. И вот была у племянниц подружка — Домна Фалилеевна, за которую сватался Митрий Митриевич, брат Марфы Митриевны. Говорили наши старики, что жила Домна Фалилеевна на Игнатьевской улице, в Маринкином переулочке...

И мы поехали на Подол разыскивать адрес тысячелетней давности. Марфа Семеновна сама обращалась с расспросами к прохожим: не знают ли они Игнатьевской улицы и Маринкина переулка, где жила Домна Фалилеевна? Один маляр, в закапанной известью спецовке, сказал, что где-то, кажется, есть такая улица. И Марфа Семеновна успокоилась:

— Ну, не будем искать! Вот доброхот говорит, что такая улица есть. Разве наши старики станут обманывать? Они про все знали.

Все, что касается нашей древней истории, связано у Марфы Семеновны в органически целое, и малейший предлог вызывает поток «воспоминаний».

Полнота исторических познаний М. С. Крюковой поразительна. И в этом древнем мире Марфа Семеновна живет столь реально, что мифические люди и события видятся ей даже во сне. Однажды, встав поутру, она рассказала:

— Шла я каким-то городом незнакомым. Стала спрашивать: что это за город? Прохожие ответили: «Раз вошла в город — узнаешь. Мы сказали бы, да не велено». Потом народ потеряла из виду. Пришла к большому дому, крыльцо у него широкое, резное. Я стала и задумалась: куда я пришла? Вроде как в волшебном царстве! Тут двери открылись. Выходит женщина и зовет меня. Шли длинными сенями, многие мужчины встречались, но никто мне ничего не говорил. Потом комнаты пошли очень светлые, на столах книги и тетради, но за занятием никого нет. И вот идем. Женщина хочет открыть двери, взялась за скобу и говорит: «Не ужахайся, ежели увидишь кого!» Прошли через порог, ай увидала я тут чудо дивное: настоящие столички окольные стояли, за столами чудные богатыри в блестящих одеждах. Не успела оглядеть, где среди них Илья Муромец. Уж очень много их сидело. Все смотрели на меня со веселой улыбкой. Который впереди сидел, значит, старший, — немолодой, на голове у него бархатная шапочка, расшитая золотом и каменьями. Он повернулся ко мне и сказал: «Очень я тебя люблю за то, что пропеваешь про меня и про могучих русских богатырей!» Хотелось мне с князем Владимиром поговорить, да тут я пробудилась...

Для нас осмотр древностей Киева — познавательное перелистывание пыльных страниц истории, для М. С. Крюковой — хождение среди событий, в мире которых она постоянно живет.

— Хошь и жила я на далеком Севере,— говорит Крюкова, — а всю жизнь дышала воздухом Киева и Чернигова.

Всю свою долгую жизнь М. С. Крюкова прожила у полярного круга, на севере Архангельской области, в деревне Нижняя Золотица. Поэт-академик Павло Тычина удивляется:

— Мы растеряли свою древнюю историю, позднейшие бурные события, видимо, заслонили те героические века. Наши кобзари поют о шестнадцатом веке. А вот северянка Крюкова рассказывает о Киеве десятого и одиннадцатого веков!

Лучше всего Крюкова знает времена Киевской Руси, то есть историю могучего государства, из которого и вышли народы: русский, украинский, белорусский.

М. С. Крюкова — живая история, история в том виде, как сохранил ее народ, передавая из поколения в поколение.

В одной из поэм Крюкова обратилась к Никите Сергеевичу Хрущеву:

«Дорогой наш мудрец, вождь
народа украинского,
Никита свет Сергеевич,
товарищ Хрущев,
Не возьмите моих слов-речей
в огрубленьице,
Вы простите меня, простую
старуху-деревенщину,
Хочу я слово молвить
да речь говорить:
Надоть содвигнуть статуй-
памятник Илье Муромцу,
Илье Муромцу, богатырю
народному, сыну Ивановичу!»

Около тысячи лет народ сохранял и лелеял в своем сердце образ Ильи Муромца. Памятник ему был бы памятником народа своему титаническому прошлому и героическому настоящему. Это был бы памятник силе и духу русского народа.

Деревня Нижняя Золотица, в которой живет Марфа Крюкова.

В общении с Марфой Семеновной открывается новый мир, становится понятной и близкой родная история, любовь народа к сказителям и то, какую огромную силу представляет наш эпос, утверждающий художественное и нравственное достоинство народа.

Крюкова — не только хранитель старины: она дочь нашего времени, наша современница. Поэтическая одаренность, любовь к родине, которая вышла к жизни «пространной, зажиточной и счастливой», — все это определяет современное творчество М. С. Крюковой.

Ее новые сказания — яркие образцы советского эпоса. Широко известны в нашей стране ее сказания о Ленине, Чапаеве, о папанинцах и другие.

Поет она главным образом о народных богатырях. В наше героическое время «не един Илья Муромец да не един Микула Селянинович»:

«Едино-то солнышко
на небушке попрежнему,
Да не един богатырь
во Советской земле!»

И в папанинцах, и в героях Хасана, и в освободителях Западной Украины, Западной Белоруссии, и в строителях Днепрогэса сила и дух древних народных богатырей.

«Уж как солдатики нашей
Красной Армии,
Они-то в нашей земле
Советской
Вроде рыцарей пречудных
да богатырей пресильных!»

Обращаясь к К. Е. Ворошилову, Крюкова говорит:

«Ворошилов Клим да свет
Ефремович,
Будь ты у нас за Илью
Муромца, богатыря,
За богатыря да за могучего,
А твой способничек,
свет Буденный Семен,
Будь у нас за богатыря
за Микулу Селяниновича!»

Все, что волнует советский народ, волнует и ее. Крюкова творит легенду о революции.

Тяжелая жизнь была у Марфы Семеновны в прошлом:

«Пущай такая жизнь
не приключается
Ни дородним добрым молодцам,
Ни девицам, белым
лебедушкам,
Она пущай со мной
оставается
В моей памяти во горькой».

Долгое время М. С. Крюкова нищенствовала, «ходила в кусочки». Горькие дни Марфы Семеновны кончились только в советское время. В нашей стране ни один талант не теряется. Ныне Марфа Семеновна Крюкова известна в каждом уголке страны. Она член Союза писателей; правительство наградило ее орденом Трудового красного знамени; в родной Золотице для нее построен большой дом-терем в древнерусском стиле.

Жизнь М. С. Крюковой — подвиг талантливого человека, всего себя отдавшего на служение народному искусству.

В этом году страна отмечает 65-летие со дня рождения и 50-летие творчества Крюковой. Это большой праздник народного творчества, в котором Марфа Семеновна по праву занимает одно из первых мест.

Э. Гард

ЦЫГАНКА ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Фото Е. Микулиной

«В трудные минуты своей жизни, — рассказывает цыганка Дина Михельсон, — цыган не плачет, а поет. Но прислушиваясь к этой песне, вы услышите стон души человека, который веками изнывал под гнетом капиталистического общества. Сытые не считали цыгана за человека. Они видели в нем только вора, жулика, прохвоста и шута, который, иногда затаив в сердце плач, веселил людей своим пеньем и пляской. Так жила и я...»

Цыгане пели. Но подлинная народная цыганская песнь, загнанная в кабак, умирала. Ее заменил «цыганский романс». По этим псевдоцыганским песням, которые в начале века целиком завладели и кабацкой и концертной эстрадой, русское общество знакомилось с загадочным для него бродячим, гонимым народом. Поэты издавна поэтизировали цыганскую жизнь, а «модные» романсы рисовали цыган удалыми красавцами, цыганок демоническими женщинами. Граммофоны во всех российских пивных выплевывали то удалые, то хныкающие песни о безумной страсти, кипящей в крови, о сверкающих, ночи черней, очах, о декоративных кострах. Цыганская женщина изображалась какой-то «рабыней любви»:

«Я цыганка полей,
Для любви рождена...»

И когда «цыганка полей» появлялась на базаре, смугло-грязная, в яркопестрых лохмотьях, с «голопузым» цыганенком за спиной, хватающая за руку прохожих: «Положи, красавица, монетку — всю правду скажу!» — самые ярые поклонники цыганских романсов бежали от этой «демонической женщины», нищей, голодной.

Тяжелой и безрадостной была в действительности жизнь кочевой цыганки. Дина Михельсон вспоминает:

«Я родилась и выросла в рваной ситцевой палатке. Природа была моей заботливой матерью. Кусты зелени были моими защитниками от всяких неприятностей цыганской жизни. Проливные дожди мыли меня, сушили ветры, и спать я укладывалась под роскошным шатром зеленых ветвей. Цыгане все так воспитаны: от всех обид и унижений в обществе людей они укрывались в степях и лесах...»

В пестрых лохмотьях появлялась на базаре цыганка-гадалка.

В течение столетий цыганский народ кочует по земле, без родины, без отдыха, без будущего. Откуда же пришел этот народ-скиталец? Куда вечно, без устали стремится?

На горизонте истории цыгане появились тысячу лет назад. Историк Предари в прошлом веке допустил фантастическую догадку, что цыгане — это потомки спасшихся обитателей легендарного материка Атлантиды. Позже известный цыгановед немецкий профессор Г. Грелльман установил, что родина цыган — Индия. В Европе цыгане появились в XV веке, в Париже. И отсюда их племена волнами разлились по материку. Их жестоко и настойчиво преследовали, гнали, уничтожали целыми племенами.

В царской России цыгане были фактически вне закона. В 1903 году министерство внутренних дел разослало циркуляр, гласивший: «Цыганам безусловно воспрещается кочевать». Им запрещали кочевать, но и осесть на землю не разрешалось. Их гнали полиция, помещики, деревенские кулаки. Их травили собаками и заточали в тюрьмы.

Польское правительство 1607 года поступило более расчетливо, использовав этот даровитый, мужественный народ в интересах правящих классов. В Польше был назначен цыганский король, который, однако, подчинялся не только польскому королевскому двору, но и каждому полицейскому. Цыгане же были поставлены в рабскую зависимость от «своего короля». Их насильно прикрепляли к польской территории, обложили налогами, отдали во власть панам-помещикам. Последним цыганским королем был в 1780 году Марцинкевич. Польское королевство развалилось — исчез и опереточный «цыганский король». Его потомок содержал в Петербурге притон, известный под именем «танцкласса Марцинкевича».

Через 150 лет цыгане Польши оказались в том же положении панских рабов. В 1930 году в Варшаве был коронован цыган Михаил Квиск под именем «Михаила II, короля цыган Польши». Неизвестно, где сейчас этот «король»: бежал ли он вслед за паном Мосьцицким и бравым генералом Смиглой или вернулся к первобытному состоянию и кочует где-нибудь по дорогам и лесам Румынии?..

В результате векового угнетения и истребления многомиллионный цыганский народ вымирал. Остатки его метались по Европе и Америке, таборные телеги скрипели во всех концах мира. На земном шаре, по приблизительному подсчету, осталось около двух миллионов цыган. В СССР их больше ста тысяч.

Сталинская национальная политика широко распахнула перед всеми народами, населяющими Советский Союз, двери в жизнь. Еще в 1926 году, после опубликования декрета о наделении цыган землей, в разных концах Союза стали возникать цыганские сельскохозяйственные артели.

Цыганские колхозы были созданы под Витебском, в Смоленском районе, на Кавказе. В городах возникали трудовые артели цыган.

Началась новая жизнь.

Работница московской артели «Цыгхимпром» Грачева писала своим былым землякам по табору:

«Товарищи, разве можно сравнить нашу теперешнюю жизнь с тем, как мы жили в таборе? Ведь в таборе не жизнь была, а каторга. В особенности для нас, женщин. Умер муж... Мое положение с детьми стало безвыходным. Помощи ждать было неоткуда. Я услыхала, что в Москве цыгане начали работать, и поехала к ним. В Москве я поступила в артель. Это было в 1929 году. Мы организовали кружок ликвидации безграмотности и военный (стрелковый); я посещала все кружки. В своем цехе мы стали первыми ударниками. И вот, помню, нас премировали, дали бесплатные путевки на экскурсию по Крыму. Сколько мы городов объехали — весь берег Крыма! Для меня, проведшей жизнь в бедности и нужде, жившей в таборе, поездка в Крым была праздником. Разве могла я мечтать в своем шатре, что я буду в Крыму и меня будут поить, кормить, все показывать и разъяснять? А мои дети все учатся сейчас в школе. Может быть, хоть эти забудут костры, голод и наши беды...»

Когда «коньячный король» Шустов женился на цыганке из хора, посадив ее в горемычную обстановку пленницы, подруги не без гордости говорили:

— Какую карьеру сделала Маша, в гору как пошла!

А Маша была забавой миллионера, модной игрушкой, как «зимний сад» при особняке, абонемент в Большой театр или полеты на воздушном шаре...

В нашу великую эпоху — полного раскрепощения женщины — мы знаем другие «карьеры», на другую «гору» поднимаются сегодня недавние рабыни — русские, украинские, белорусские «бабы», узбечки, татарки, ненки, цыганки.

Дина Михельсон, жена полковника Красной Армии, рассказывает, как она некогда рвалась из табора на волю:

«Для того, чтобы научиться читать и писать, мне пришлось претерпеть немало пинков и побоев от своих темных, неграмотных родителей... Родные не разрешали мне учиться, и тайно от всех я упросила одну учительницу подготовить меня в школу второй ступени. Для того чтобы заниматься с учительницей, мне нужно было преодолеть 10 километров расстояния. Уходя из палатки, я боялась, что не найду своего табора на месте. Табор кочевал, и расстояние между мной и моей учительницей то увеличивалось, то сокращалось. Готовить уроки было трудно... Столом мне служил зеленый луг, я писала, лежа вниз лицом. Вместо лампы мне светил капризный костер... Через два месяца таких занятий я выдержала испытание и поступила в школу второй ступени...»

Отец стегал ее за это кнутом, оставляя на теле кровавые полосы. И при этом отец плакал и кричал:

— Ты позоришь мою седину. И так цыгане смеются над моей бедностью, а ты увеличиваешь мое горе и позор!

Девочка убежала из табора. Ее поместили в интернат. В 1925 году она закончила школу, прослушала педагогические курсы и стала учительницей в селе Каменке, Калининской области. По ее просьбе, рик отвел отцу участок земли, и вся ее семья из 11 человек стала работать.

Дина вышла замуж за военнослужащего, следовала за ним всюду, куда его переводили: Сумы, Ленинград, Красноярск, Хабаровск, Томск... Началась новая «кочевая» жизнь, — в купе скорого поезда, с остановками на год—два. Она работала на фабрике, вступила в коммунистическую партию, вела большую общественно-политическую работу, окончила Хабаровский коммунистический университет.

«Горячие слова любви и благодарности, — пишет Д. Н. Михельсон, — шлю я нашему советскому правительству, коммунистической партии и ее гениальному вождю товарищу Сталину за мою счастливую и радостную жизнь».

Вся минувшая кочевая жизнь уже представляется тяжелым сном.

О тяжелом прошлом могла бы рассказать и А. В. Богданова-Тимофеева, артистка цыганского театра, депутат райсовета столицы.

Когда-то — скрипящая телега, шатры, лесные дороги Белоруссии, украинские степи, зной Средней Азии, голод, нищенство. Четырнадцатилетней девочкой она поступает танцовщицей в хор. Затем — студия театра «Ромэн» и артистическая деятельность. Недавно еще неграмотная, она изучает русский язык, много читает, работает над ролями. На конкурсе артистов эстрады получает звание лауреата.

Кто узнает в артистке, с таким успехом выступающей в ролях Грина в «Жизни на колесах», Сарры в «Макаре Чудре» Горького, цыганскую девочку Шуру, спавшую в степи под телегой?..

А. В. Богданова-Тимофеева — кандидат партии, общественница, одна из инициаторов организации шефских концертов в клубах, на фабриках и в красноармейских частях. Коллективом театра она была выдвинута кандидатом в депутаты райсовета Москвы.

И вот Шура Тимофеева, как называют ее товарищи, — депутат райсовета.

А в Петровском парке живет ее 70-летний отец-цыган, всю жизнь проведший в кибитке. Когда дочь приехала к нему сообщить об избрании ее депутатом, старик заплакал.

«Цыган не плачет, а поет», — говорит Дина Михельсон.

Но вот цыган заплакал. Никогда не знал слез этот молчаливый, хмурый старик, не веривший, что на свете бывает радость. А тут заплакал — от радостного волнения, от гордости за дочь, которая вспоминалась босоногой, дикой плясуньей Шурой, ушедшей из табора в страшный мир людей, домов и загадок...

Не все цыгане в СССР перешли к оседлой жизни. Немало стариков еще упрямо кочует, удерживая от бегства «к людям» молодежь. Но под дырявыми шатрами почти не осталось молодых цыган и цыганок. Они уходят в колхозы и в города, на фабрики, в школы, в мир подлинно свободных людей. Догорают, чтобы никогда больше не вспыхнуть, дымные кочевые костры...

Артистка театра «Ромэн» А. В. Богданова-Тимофеева.

И. Шаморикова

ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ

В ТВОРЧЕСТВЕ НЕКРАСОВА И В ФОЛЬКЛОРЕ

Н. А. Некрасов создал незабываемый образ многострадальной матери, вековечной работницы и величавой красавицы-крестьянки.

Некрасов писал о женщинах всех классов и классовых прослоек русского общества, но главное свое внимание он сосредоточил на жизни крестьянки. Горестную долю труженицы он показал в полном соответствии с устным народным творчеством. Он шел следом за крестьянкой, показывал ее жизнь от начала и до конца. В поэме «Кому на Руси жить хорошо» Некрасов рисует жизнь Матрены Тимофеевны чуть ли не со дня ее рождения. Детство — самая радостная, самая счастливая пора в жизни человека, но и этой радости лишены были дети народа. У них не было детства, оно проходило, как и вся их последующая жизнь, в тяжелом, изнурительном труде.

Крепостные вынуждены были посылать детей на работу с ранних лет.

Существовал даже обычай, по которому детей «выводили из младенчества», то есть сажали на коня и этим самым давали знать, что пора детства миновала, что надо начинать трудовую жизнь. Был «день Симеона», когда совершался обычай «вывода из младенчества». Матрена Тимофеевна пяти лет была посажена на бурушку.

Безотрадно было детство. Безотрадна была и пора девичества. Судьба девушки очень широко отражена в устном народном творчестве. Над судьбой девушки часто задумывался и Некрасов.

В чудесном романсе «Тройка» он спрашивал красавицу-крестьянку:

«Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от веселых подруг?»

Девичья пора, пора наиболее яркого цветения, была полна тревог. Девушку мог забрать помещик и опозорить. Если сам помещик не хотел предать ее «стыду не искупленному, последнему стыду», то делали это управляющие, бурмистры. Помещик выдавал девушку замуж по своей прихоти.

«— Помню ужасную свадьбу:
Поп уже кольца менял,
Да, на-беду, помолиться
В церковь помещик зашел:
«Кто им позволил жениться?
Стой!» и к попу подошел...
Остановилось венчанье!
С барином шутка плоха —
Отдал наглец приказанье
В рекруты сдать жениха,
В девичью — бедную Грушу!
И не перечил никто!..»

(Поэма «Дедушка».)

В стихотворении «В дороге» ямщик рассказывает седоку, как крепостник, взяв к себе в дом из прихоти крестьянскую девушку, приучил ее к праздной жизни, а потом ее отдали замуж за первого попавшегося крестьянина, и непосильный труд, к которому она не привыкла с детства, сломил ее.

Народные устные песни и причитания говорят о том, что девушку оберегала вся семья, но это вовсе не означает, что она жила счастливо, радостно. Девичья жизнь проходила в нищете, в голоде.

И все же время до замужества считалось лучшим в жизни женщины. Замужество не сулило радостей. Вот почему во всех народных песнях девушки просят родителей не выдавать их замуж. Девушка в семье была примерной работницей, «трудницей» и обещает еще больше работать, лишь бы ее не выдавали замуж, только бы ее не «изживали бедную»:

«Будто ворога из города,
Люта зверя из темна леса...»
(Рыбников. Песни. Т. III, стр. 392.)

Замужество было тяжкой кабалой. Нет ни песен, ни причитаний, в которых девушка говорила бы о своем предстоящем замужестве как о грядущем счастье.

В поэме «Кому на Руси жить хорошо» Матрена Тимофеевна рассказывает, что она всячески охраняла свою девичью свободу, избегала женихов, а когда «выискался суженый, на горе «чужанин», то закручинилась и не спала всю ночь. Парню, который к ней посватался, молвила:

«Оставь...
Я в подневолье с волюшки,
Бог видит, не пойду!»

В свадебных причитаниях девушка так плачет по воле:

«...Большой сват-кормилец сударь
батюшка,
Другой сватушка со чужой сторонушки.
Они думали крепкую думушку,
Затепляли свечи воску ярого
Пред иконою чудотворною
И крестили очи ясные,
Руку о руку ударили,
Едино слово родители промолвили,
Во заботушку меня озаботили,
Меня девушку обневолили
Во великую неволю, во неволюшку,
Во чужую злодейную сторонушку».
(Рыбников. Песни. Т. III, стр. 350—351.)

Девушка не знала свободной любви, она лишена была возможности делать выбор по собственному желанию, по сердечному влечению. Крестьянской девушкой распоряжался помещик и родители. Помещик распоряжался девушкой по прихоти, а родители по нужде. Даже самый процесс сватовства носил характер базарной торговли. Жених — купец, а невеста — товар. Устраивались даже специальные смотрины. При продаже товара били по рукам, отсюда «рукобитье».

Родители жениха и невесты обычно торговались между собой. Одни хотели подороже продать, а другие — подешевле купить. Нередки были случаи, когда родители обеих сторон не приходили к соглашению и расходились. Брак расстраивался. Жених и невеста в торговле участия не принимали и в большинстве случаев до свадьбы друг друга не видели. Муж был властелином, повелителем, и жена должна была ему покоряться во всем.

Некрасов в поэме «Мороз, красный нос» говорит:

«Три тяжкие доли имела судьба:
И первая доля — с рабом повенчаться,
Вторая — быть матерью сына раба,
А третья — до гроба рабу покоряться,
И все эти грозные доли легли
На женщину русской земли».

Разумеется, русская женщина не могла мириться с таким положением, и она предъявляла свои требования. Девушка требовала прежде всего, чтобы ее не выдавали замуж раньше времени.

В одной из заплачек сказано:

«Подержите-тко, желанные родители,
У девушках до двадцати годиков,
До разливной красной веснушки,
До летушка теплого».
(Рыбников. Песни. Т. III, стр. 349.)

Горе преследовало девушку. С горя девушка замуж пошла, но горе и тут ее настигло.

Матрена Тимофеевна подверглась той же самой участи, которой подвергались миллионы подобных ей. Новый член семьи рассматривался как лишний рот. Место, где живет муж, молодая жена называет чужой, дальней сторонушкой, стороной, которая тоской-кручинушкой посеяна, горючими слезами полита, печалью огорожена. Свекровь со свекром представляются как медведь с медведицей, золовки — крапивою жгучею.

С приходом нового человека количество земли в хозяйстве не увеличивалось, доходы не возрастали. Следовательно, приходилось делиться тем, что есть, а этого «есть» было немного. Его даже не хватало на старых едоков. Бескультурье и дикость увеличивали общее горе, нужду. Всякий искал причины своих бедствий. Обычно все взоры направлялись на нового члена семьи и на его голову обрушивались все попреки и ненависть.

При жизни мужа жена горе мыкала, а после его смерти она бедствовала, нищенствовала. Муки замужества сменялись еще более тяжкими муками вдовства, а лишиться мужа было очень легко. Его или забирали в солдаты, или запарывали до смерти на конюшне, замаривали голодом в тюрьме, в ссылке, давили барщиной. Мучительной жизни вдовы посвящено много плачей. Наиболее показательно причитание по муже в сборнике Барсова («Причитания Северного края». Ч. 1-я, стр. 43—44).

Вдова жалуется на то, что ей приходится работать до истощения сил, до изнеможения. Ею все помыкают, все недовольны. Всем она должна угождать, всем потрафлять, за всех работать. Наступает темная ночь, вдову одолевает горе. Она присаживается где-нибудь незаметно в уголочке и оплакивает свою участь. Рано поутру она отправляется на крестьянскую работушку. И тут проливает слезы на сырую землю. Она прячет от злых глаз свое заплаканное лицо, затаптывает горючи слезы в землю. Она не хочет, чтобы видели ее соседи опечаленной, не хочет подать и вида, что идет бедная «горюша» при обидушке.

В соответствии с народным творчеством изобразил Некрасов положение вдовы в поэме «Мороз, красный нос». Тут горе вдовы настолько велико, что заковало ум и чувство, овладело женщиной целиком.

Погрузившись в свои печальные думы, Дарья не слышала, как к ней подбиралась смерть, как коченели от мороза ее руки и ноги, как останавливалось сердце.

Умер Прокл, крестьянин, муж Дарьи. Дома осталось двое детей. За ними некому присмотреть. Вернувшись с кладбища, Дарья спешит к детям, хочет их накормить, приласкать, обогреть, торопится печь затопить. Но в доме не было ни одного полена. Надо ехать в лес. Детей отвела к соседке, запрягла савраску, который только что отвез своего хозяина на погост, и поехала по дрова.

Горе покрыло туманом весь мир. Слезы затопили вселенную. Дарья забыла все существующее на свете. Ее жизнь ушла вместе с Проклом. Она не может смириться с мыслью, что осталась без любимого человека, что брошена вместе с детьми на произвол судьбы. Страшно подумать, что за жизнь будет у Дарьи! Да и возможна ли она? Дарья плачет, вопит. Перед ней проходит вся ее жизнь. Мелькают вехи прошедшего, теснятся в мозгу обиды, притеснения. А дом представляется страдная пора... Так, в слезах и думах она все рубила и рубила дрова. На мгновенье она пришла в себя, взглянула на свою работу и удивилась:

«Господи! сколько я дров нарубила!
Не увезешь на возу...»
. . . .
Окончив привычное дело,
На дровни поклала дрова,
За вожжи взялась и хотела
Пуститься в дорогу вдова.
Да вновь пораздумалась, стоя,
Топор машинально взяла
И тихо, прерывисто воя,
К высокой сосне подошла.
Едва ее ноги держали,
Душа истомилась тоской,
Настало затишье печали —
Невольный и страшный покой!
Стоит под сосной чуть живая,

Без думы, без стона, без слез...
В лесу тишина гробовая —
День светел — крепчает мороз...»

Вдова замерзает. Мороз заледенил ее кровь. Горе отняло у нее жизнь.

«...Дарьюшка очи закрыла,
Топор уронила к ногам».

Устное народное творчество и творчество Некрасова доказывают одно: горестной была жизнь женщины до замужества, горестной она была во время замужества, горестна и безотрадна была старость.

В стихотворении «В деревне» старушка, у которой ходит «по сердцу горькая думушка, словно хозяин-большак», вот уже тринадцатый день, как похоронила сына, и теперь не знает, как и чем прожить остаток дней своих.

«— Кто приголубит старуху безродную?
Вся обнищала в-конец!»

«Орина, мать солдатская» поведала миру печаль свою великую: она похоронила единственного сына, замордованного царской службой.

О матери Некрасов писал неоднократно. Из всех мотивов печальной, потрясающей музыки, которую создал певец народного горя, самые сильные и самые задушевные посвящены матери.

Некрасов считал, что мать больше чем кто-либо другой способна научить не робеть «перед правдой-царицею», что мать является воплощением чистейшей любви, что она единственная, кто может вывести на верный путь. Поэтому-то поэт и обращается к ней с такой мольбою:

«От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!»

Стихотворения «Мать», «Прекрасная партия», «Гадающей невесте», «Дешевая покупка», «Несчастные» и многие другие показывают, как была женщина принижена и порабощена всей системой управления самодержавной, деспотической России, как среди пошлости и дикости погибали ум, красота и способности человека, как мерзость торжествовала над благороднейшими проявлениями души.

Некрасов говорит, что на святой Руси мужчинам было отведено только три дороженьки: кабак, острог да каторга. А бабам на Руси — три петли: шолку белого, вторая — шолку красного, а третья — шолку черного; любую выбирай, в любую полезай!..

Матрена Тимофеевна говорит:

«Ключи от счастья женского,
От нашей вольной волюшки,
Заброшены, потеряны
У бога самого!»

Результатом всей горемычной жизни женщины было, по словам Некрасова:

«Три озера наплакано
Горючих слез, засеяно
Три полосы бедой!»
(«Кому на Руси жить хорошо».)

Творчество Некрасова сливается с устным народным творчеством не только в средствах поэтического воздействия, но и в самой эстетике. В унисон народному творчеству Некрасов писал не только о женщине, мыкающей горе, но дал прекрасный образ бодрой, смелой и сильной крестьянки.

В предисловии ко второму тому стихотворений Некрасова (изд. «Академия» 1928) тов. Кирпотин заметил, что «идеал красоты у Некрасова совершенно не барский и не интеллигентский, это целиком крестьянский идеал... Это тот же идеал, который Чернышевский в «Эстетических отношениях искусства к действительности» противопоставлял изнеженно-аристократическому идеалу красоты».

Некрасов писал в духе народного творчества и эстетического учения Чернышевского. То, что Чернышевский выдвигал в качестве эстетических, теоретических требований, то Некрасов воплощал в образах художественной литературы.

Прогнившей либерально-дворянской эстетике Чернышевский противопоставлял эстетику народную, крестьянскую, утверждающую здоровую, сильную, яркую жизнь.

Так например идеалу бездеятельной, неспособной ни на какой труд дворянки с атрофированными мозгами и мускулами Чернышевский противопоставил идеал крестьянской красавицы. «У поселянина в понятии «жизнь» всегда заключается понятие о работе: жить без работы нельзя, да и скучно было бы. Следствием жизни в довольстве при большой работе, не доходящей, однако, до изнурения сил, у сельской девушки будет чрезвычайно свежий цвет лица и румянец во всю щеку — первое условие красоты по простонародным понятиям. Светская полувоздушная красавица кажется поселянину решительно «невзрачною», даже производит на него неприятное впечатление, потому что он привык считать «худобу» — следствием болезненности или «горькой доли»... В описаниях красавицы в народных песнях не найдется ни одного признака красоты, который не был бы выражением цветущего здоровья и равновесия сил в организме, всегдашнего следствия жизни в довольстве при постоянной и нешуточной, но не чрезмерной работе»,— писал Чернышевский.

Идеал народной русской крестьянской красавицы воплощен Некрасовым в образе Дарьи в поэме «Мороз, красный нос»:

«Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивою силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц,—
Их разве слепой не заметит,
А зрячий о них говорит:
«Пройдет — словно солнце осветит!
Посмотрит — рублем подарит!..»
. . . .
По будням не любит безделья,
Зато вам ее не узнать,
Как сгонит улыбка веселья
С лица трудовую печать.
. . . .
В игре ее конный не словит,
В беде не сробеет — спасет:
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет!»

Дарья относится к тем женщинам, которые идут той же дорогой,

«Какой весь народ наш идет,
Но грязь обстановки убогой
К ним словно не липнет. Цветет
Красавица миру на диво,
Румяна, стройна, высока,
Во всякой одежде красива,
Ко всякой работе ловка».

Таковы чарующие свойства красоты крестьянки из поэмы «Мороз, красный нос». А вот другая женщина из другой поэмы:

«Матрена Тимофеевна —
Осанистая женщина,
Широкая и плотная,
Лет тридцати осьми.
Красива; волос с проседью,
Глаза большие, строгие,
Ресницы — богатейшие;
Сурова и смугла».

У Некрасова, как и в фольклоре, красавица-девица чернброва, статна, словно сахар бела, щеки ярки, как маков цвет, свежа и плотна, во всякой работе ловка.

Народное творчество наделяет человека лучшими свойствами и облекает в самые яркие, радужные цвета. Народ не любит полутеней и бледных красок. Он берет все цветущее, здоровое, ликующее. Солнечная яркость, снежная белизна, брови соболиные, глаза соколиные — все это является изобразительными средствами устной народной поэзии. Этими именно средствами народная фантазия наделила образ Василисы Премудрой — идеал русской женской красоты.

«Величественная простота, презрение к позе, мягкая гордость собою, недюжинный ум и глубокое... сердце, спокойная готовность жертвовать собою ради торжества своей мечты — вот духовные данные Василисы Премудрой» (М. Горький «Разрушение личности»).

К этому идеальному образу женщины приближаются и женские образы Некрасова.

Поэма «Декабристки» Некрасова — это апофеоз душевной красоты, нравственной мощи русской женщины, ее способностей на героические подвиги. Саша, в одноименной поэме Некрасова, полна решимости отдать себя целиком на служение народу. Матрена Тимофеевна и Дарья являются воплощением лучших качеств русской женщины. Они очаровывают нас своим трудолюбием, силой, ловкостью, здоровьем.

Это именно те женщины, которые не согнулись под тяжелым бременем крепостного строя, а сумели сохранить, пронести через мрак гнетущей эпохи свою живую душу, радость бытия, неутомимое стремление к счастью всего народа.

И теперь советская женщина не только изменяет свою судьбу, как об этом мечтали некрасовские женщины, но изменяет судьбу всего мира, творит счастье всего человечества.

Иллюстрация худ. Перова к поэме Н. А. Некрасова «Мороз, красный нос».

Н. Лабковский

ДРУЗЬЯ ИЗ ЛЬВОВА

ДОРОГА

Кажется, только вчера над страной прозвучала речь Молотова, возвещая близкое освобождение. Какие перемены произошли за эти немногие недели!

...Поезд мчал их мимо притаившихся местечек и полуразрушенных войной деревень. На полях лежали неубранные, поваленные и выжженные орудийным огнем хлеба. На дорогах встречались больные, усталые солдаты. Они шли, хромая, иногда поддерживая друг друга, иногда в молчаливом одиночестве, по узким дорогам бывшей Речи Посполитой в родные села.

Поезд шел из Львова в Сталино. Из древнего города Львова, стоящего на земле долгие века, в молодой советский город Сталино, чей возраст исчисляется одним десятилетием.

Всех пассажиров этого поезда объединяла одна цель — найти работу. Работа казалась пределом мечтаний этим людям, которым в течение многих лет была предоставлена лишь возможность умирать с голоду.

Работа! Как изголодались по ней руки, плечи, мозги! Работа! За ней приходили ежедневно на биржу труда тысячные толпы. Их разгоняли моторизованные полицианты — единственные обитатели Львова, для которых на бирже труда всегда находилась работа...

Поезд шел двое суток. И когда подкатил он к перрону конечной станции и в окна ворвался гул приветствий, когда пассажиры поезда увидели колышащиеся знамена и ощутили на своих щеках поцелуи новых друзей, они поняли, что этот обыкновенный железнодорожный состав обладал чудесной силой — он перенес их в другой мир...

— Скажите, — непонимающе спросил один старый львовский безработный, обводя глазами заполненную народом площадь, — неужели все эти люди имеют работу?..

БРАТЬЯ ЖУК

Город Сталино, недавно возникший на месте старинного шахтерского поселка Юзовки, весь окружен угольными шахтами. В какую сторону от города ни поедешь, на пути встретятся крутые горы породы. Рутченково — пригород. От центра города в Рутченково идет трамвай. Здесь одна из крупнейших шахт комбината «Сталинуголь» — шахта № 17-17 (бис) имени папанинцев. На шахте, по соседству с копром, разбит палисадник. Акуратные дорожки посыпаны битым кирпичом. Между палисадниками белые двухэтажные дома — общежития шахтеров. Они стоят на очень удобном месте: до кинотеатра и клуба — рукой подать, столовая в нескольких шагах, остановка трамвая у самых ворот.

В одном из этих белых домов живут бывшие львовские безработные. Большинство из них еще молоды, имеет среднее образование и видимость какой-то квалификации. Но одни никогда не работали. Другие работали, но мало и редко; если им улыбалось счастье, то всегда криво — улыбка эта скорее напоминала недобрую усмешку. Та редкая работа, которую удавалось им вымолить на бирже труда, почти никогда не соответствовала их специальности. Нужны были каменщики — они выдавали себя за каменщиков; нужны были счетоводы — они готовы были клясться, что всю свою жизнь посвятили бухгалтерскому делу. Дни проходили в погоне за работой, но призрак работы уходил все дальше и дальше, и вместе с молодостью исчезали уменье, квалификация.

Вряд ли есть работа, за которую не брались братья Жук. Их было четверо: Иван, Теодор, Стефан и Демьян. Старшему 44 года, младшему 26. У каждого семья, в семье голодные рты. Иван паял консервные банки, хотя был по специальности дорожным мастером. Стефан исполнял любую черную работу, хотя умел строить дома. Демьян ездил на грузовом автомобиле помощником шофера, хотя считался неплохим наборщиком. Теодор, обремененный большой семьей, брался за что попало. Иногда судьба, словно смеясь над братьями, перетасовывала все карты. Тогда наборщик Демьян вдруг начинал строить дороги, дорожник Иван — обжигать кирпичи, а строитель Стефан получал направление в типографию, из которой его выгоняли в два счета за полное неуменье отличить петит от боргеса.

Так и жили четыре брата Жук в городе Львове. С годами дела их шли все хуже и хуже. Руководители биржи труда приняли решение — украинцам, евреям и представителям прочих национальных меньшинств работу предоставлять в последнюю очередь. Братья Жук — украинцы. С той поры очередь до них никак не могла дойти.

Они видели страшный голод своих семей, но что они могли сделать! Вероятно, в богатой хронике львовских самоубийств прибавилось бы еще несколько многоговорящих строк, если бы жизнь не завертелась вдруг в бешеном водовороте событий.

В жизни безработных братьев Жук произошли большие перемены. Теодор получил работу в советском Львове, Иван, Стефан и Демьян поехали на работу в советский Донбасс.

Иван — старший. Это сильный, коренастый и молчаливый человек. Во Львове у него остались жена и двое детей. Надев шахтерскую робу, бархатный берет, Иван посмотрелся в огрызок зеркала и вздохнул полной грудью. Если бы перевести этот вздох на язык чувств, можно было бы узнать много такого, от чего у самого сурового человека увлажнились бы глаза.

Стефан — средний. Ему 31 год, у него жена и ребенок во Львове. Он мал ростом, выглядит моложе своих лет, только когда улыбается, все лицо покрывается сетью морщинок. Впервые входя в шахтерскую клеть, он болтал, суетился. Видно было, что человек не знает, что делать от счастья. Его хлопал по плечу, весело гогоча, высокий, статный Демьян — самый младший в семье. Демьяну все здесь нравилось. Все было ново и обещало много радостного. Он крепко сжимал в сильных руках обушок. Руки чесались в полном смысле этого слова...

Стремительная клеть спустила братьев на глубину в 575 метров... С тех пор каждое утро три брата Жук спускаются в шахту. Они учатся «рубать» уголь. Это крутое шахтерское слово они произносят с такой силой и уверенностью, что оно гремит, как уголь, сыплющийся в дрожащие рештаки. В жизни приходилось им быть и печниками, и строителями, и канализаторами, но лишь теперь они приобретают квалификацию, которая сулит им дальнейший рост, дает возможность, не покидая работы, получить техническое образование, стать техниками и, кто его знает, может быть, инженерами!.. Эта надежда светит им как маяк. О ней пишут они своим женам, детям и друзьям во Львов. Да, да, здесь, на их новой родине, каждый желающий работать и учиться может стать инженером. Ведь хозяевами жизни здесь являются те, кто эту жизнь строит, те, кто трудится, чей труд приносит пользу. О, они это уже понимают! Прошло только три месяца, но они уже многому научились, просто удивительно, сколько они стали понимать. Если кто не верит, пусть приезжает к ним на Донбасс.

Возвращаясь с работы в свою большую высокую комнату, братья Жук не без иронии вспоминают свою львовскую хибарку. Она находилась на Жовкивской улице. Улица брала начало в самом центре города и здесь выглядела действительно фешенебельно. Но чем дальше от центра, тем грязнее и беднее становилась она. Ближе к окраине, к рабочим кварталам, улица словно уходила от «настоящей» жизни. Братья Жук жили во Львове на Жовкивской улице, но в самом конце ее, там, где она представляла собой жалкое скопище полуразрушенных хибарок. Их жилье имело ценность весьма условную, разве лишь ту, что в беседе с приятелем можно было похвастаться: мол, мы живем на Жовкивской...

Теперь они живут в Рутченкове, близ Сталино. Они трудятся. Самый этот факт, еще недавно казавшийся невозможным, уже не удивляет; но долго еще будет поражать их то, что они больше не испытывают страха потерять работу...

МАДЛЕНА И СТЕФАН

В их судьбе много общего. Общее есть и в характере, в уменье терпеливо и молча переносить удары судьбы. Быть может, это и сблизило еще в пути, сделало неразлучными друзьями — безработного львовского сапожника Стефана Ксенчина и безработную львовскую белошвейку Мадлену Богонос. Просто поразительно, до чего похоже складывалась их жизнь в разных концах большого, кипучего города. Они почти однолетки. Оба росли в одиночестве, и единственным желанием обоих было приобрести специальность, самостоятельный заработок, свой кусок хлеба. Стефан успел пройти семь классов гимназии, пока мать еще была в состоянии кормить семью, а потом поступил учеником к сапожнику. В первый год ему ничего не платили, во второй год платили четыре злотых в неделю, еще через год, работая от шести утра до девяти вечера без перерыва, он уже зарабатывал десять—пятнадцать злотых в неделю. И вот, когда, наконец, ценой побоев и унижений он научился сам шить штиблеты, произошло неожиданное: оказалось, что его ремесло не может найти применения, что его уменье никому ненужно, так как и старые мастера сидят без работы. И молодой сапожник Стефан вынужден был стать бродячим электромонтером, чинить электропроводку в квартирах, зарабатывая два—три злотых в день.

История Мадлены также печальна. Она приехала во Львов из маленького польского городка Рудки, где впроголодь жили ее родители. Она хотела «стать на ноги». Поселилась в маленькой комнате у дальних родственников и принялась искать работу. Это оказалось нелегко. Всюду ее спрашивали, какая у нее специальность. Она отвечала: «Никакой». Наниматели беспомощно разводили руками.

«Так, — догадалась Мадлена, — значит, все дело в том, что у меня нет специальности. Однако, чтобы приобрести специальность, надо учиться, надо большую сумму денег заплатить за ученье. А где же взять денег, если нет работы?»

Этот заколдованный круг, из которого, казалось, не было выхода, разорвался неожиданно. Мадлене предложили место официантки в одном из львовских кафе. Это была не та работа, о которой мечтала Мадлена, но иного выхода она не видела и согласилась.

У нее открытый взгляд, большой умный лоб, красивые волосы и ловкие руки. Она нравилась посетителям кафе. Ей охотно давали «на чай». Это было стыдно. Но она брала. Эти деньги Мадлена не тратила: про-

ходя по улицам, она отворачивалась от заманчивых витрин. Нельзя же всю жизнь быть официанткой! Ей нужна специальность, профессия, нужны деньги на ученье. Приходилось терпеть тошнотворные приставания завсегдатаев кафе, отвечать заученной улыбкой на плоские остроты и скользкие намеки. Ведь эти люди давали «на чай». А она эти деньги копила...

Наконец собралась необходимая сумма. Мадлена поступила на курсы белошвеек. Плату за ученье, как и полагалось, она внесла вперед за весь срок.

Прошло шесть месяцев, и Мадлена стала белошвейкой. Она отправилась «наниматься», теперь уж вооруженная специальностью. И когда ее спрашивали: «У вас есть квалификация?» — она отвечала с улыбкой: «Есть, пане, я белошвейка». Но, что это! Наниматели беспомощно разводят руками, точь в точь как и раньше... Квалификация не уберегла ее от безработицы. Не помогали объявления, которые она вывешивала в окнах своей комнаты. Никто не приносил ей заказов. Нигде не требовались рабочие руки, а если какая-нибудь фабрика и нуждалась в двух—трех мастерицах, до Мадлены не доходила очередь... Мадлена — украинка. Украинцам работа в последнюю очередь. Мадлена потеряла квалификацию: не подкрепленные практикой знания рассеялись, как и бесплодные мечты о работе...

На шахте имени папанинцев, по соседству с копром, на вершине которого с бешеной быстротой вращаются колеса, разбит палисадник. Между палисадниками стоят белые двухэтажные дома. В одном из них, в первом этаже, в комнате номер девять, живет теперь Мадлена Богонос. Рядом с ней живет Стефан Ксенчин. Как попали сюда из далекого Львова и что делают здесь безработная львовская белошвейка и безработный львовский сапожник?

В дни, предшествовавшие созыву Народного собрания Западной Украины, по Львову прошел слух, что организовано бюро, вербующее безработных, желающих ехать в Советский Союз для работы в шахтах Донецкого бассейна. Тысячи людей устремились в новое бюро. Тысячи людей спустя несколько дней двинулись эшелонами в путь к новой жизни. Тысячи людей, жадно прильнув к окнам вагонов, смотрели на пробегавшие мимо хлебородные степи, чистые, благоустроенные колхозные села Советской Украины, на прекрасные картины плодотворного мирного труда...

Люди высаживались из поездов на вокзале в городе Сталино. Бывшие безработные расселились на многочисленных шахтах Донбасса, в Сталино, в Макеевке, в Дзержинске и в Буденновске. Получили работу, которую в панской Польше ждали всю жизнь...

Мадлена стала вагонщицей. Стефан — забойщиком. Каждое утро они вместе отправляются на работу, в конце дня встречаются внизу у ствола. Шесть часов работы в шахте, всего шесть часов работы, в течение которых старшие товарищи, опытные донбасские шахтеры, учат их рационально использовать каждое свое движение, каждую минуту. Их еще никто никогда не учил бесплатно, да еще так старательно, как учат их теперь...

Стефан работает на 3-м участке. Мадлена — на 4-м. Они в одной смене. Они вместе спускаются в гремящей металлической клети, одетые в брезентовые спецовки, в черные шахтерские береты. Внизу мелькают желтые огоньки аккумуляторных ламп. Здесь Мадлена и Стефан прощаются. В разные стороны расходятся два желтых огонька.

— До свиданья, Стефан! После смены жди меня у клети!

— До свиданья, Мадлена...

В забое тихо. Кругом угольная ночь. Фосфоресцируют пласты «черного золота». Два огонька. Два шахтера.

— Бей лишь тогда, когда найдешь правильное направление струи,— говорит один.

— Спасибо, товарищ Вирко.

Глухой удар.

— Еще раз! Сильнее! — говорит шахтер.

— Спасибо, товарищ Вирко...

Стефан бьет, размахнувшись с плеча. Он чувствует в себе необычную силу. Ее вдохнули в него и дружеская ласка шахтера, и сознание, что вот он трудится, и мысль о Мадлене, которая будет поджидать его у клети и смеяться, показывая ровные зубы, ослепительно белые на покрытом угольной пылью лице...

Стефан учится. Мадлена учится. Учатся тысячи бывших безработных. Учиться! Это — едва ли не первое русское слово, которое узнали эти люди. Они все хотят учиться, работать, творить...

Никогда Мадлена не знала таких простых и бескорыстных отношений, таких ясных взглядов, пронизанных теплом настоящей дружбы. На полукилометровой глубине под землей Мадлена впервые познала дружбу и радость сплоченного, целеустремленного труда. Она всегда молчала, теперь всегда оживленно болтает. Она осмелела, у нее появились желания, много желаний, и она не боится их, потому что теперь она научилась верить. Верить в свое будущее...

ПИНЯ И ДРУГИЕ

Пиня триста километров прошел пешком. Он шел двенадцать дней и двенадцать ночей, спал под открытым небом, ел что попало, но дошел до цели.

Чем больше врали панские газеты, тем сильнее дорожил искорками правды Пиня Зайденфельд — высокий, сильный, широкоплечий черноволосый люблинский безработный. Когда услышал он о том, что во Львов пришли части Красной Армии, он уложил вещи в продавленный картонный чемодан и пошел пешком во Львов. Раз во Львове Красная Армия, рассудил он, значит, оттуда очень близко и до той жизни, о которой он узнавал лишь шепотком, под строгим секретом.

Во Львов Пиня пришел с разбитыми и распухшими ногами. Из Львова он отправился в Донбасс с одним из первых эшелонов. Ноги перестали болеть. Пиня работает на шахте имени папанинцев электрослесарем и зарабатывает от 25 до 27 рублей в день. Он завел себе сберкнижку и очень гордится ею. У себя, в Люблине, он не мог и мечтать о сбережениях...

— Хотя тайна вкладов гарантируется,— шутя, сказал мне Пиня,— но я вам покажу свою сберкнижку. А то вы, может быть, мне не поверите...

— О! Вы богач! Зачем вам столько денег?

Пиня лукаво подмигнул мне:

— Когда придет время моего отпуска, я поеду в Москву. Я работаю и имею право позволить себе то, о чем мечтают рабочие всего мира,— могу позволить себе увидеть Москву.

...Так живут в Донбассе бывшие львовские безработные.

Они работают, учатся, веселятся. В свободные часы, прогуливаясь по главной улице города Сталино — улице Артема, уже никто из них не вспоминает львовские «районные бюро помощи безработным», где они бесплодно теряли драгоценные часы жизни, получая вместо работы лишь право носить бездольное звание безработных.

В Сталино, на гостеприимной земле Донецкого угольного бассейна, они впервые узнали, что есть у советских рабочих много действительных прав и главное среди них — право на труд и счастье...

Отличница Тбилисского аэроклуба учлет комсомолка Л. Ватаева.
Фото В. Джейранова

Макс Поляновский

МАЯКОВСКИЙ ПЕРЕД КИНОКАМЕРОЙ

Поэт Владимир Маяковский в течение полугода был киноактером. Он написал три киносценария и во всех трех фильмах исполнял главную роль.

Еще в 1913 году Маяковский написал несколько статей, в которых говорил о необыкновенных возможностях кино. Статьи вызвали много толков, их обсуждали.

В конце 1917 года Владимир Владимирович, проживавший тогда в Петрограде, приехал в Москву. Здесь должны были начаться киносъемки картины по его сценарию и при его участии.

— По свойственной ему жадности к работе он хотел все делать сам, начиная со сценария: исполнять главную роль, режиссировать, писать плакаты и так далее, — рассказывает Л. А. Гринкруг, один из участников киносъемки с Маяковским.

В то время кинематография еще не была национализирована. Продолжали существовать и работать частные фирмы. Не каждая из них согласилась бы предоставить свои павильоны Маяковскому.

— Все же такая фирма нашлась, — вспоминает тов. Гринкруг. — У нас были знакомые Антик, муж и жена, владельцы киноателье «Нептун». Они хорошо относились к Маяковскому. Когда он им рассказал о своем желании сделать фильм, они очень заинтересовались этим, предложили ему написать сценарий, обещая поставить его в своем павильоне.

●

В ателье «Нептун» по Самарскому переулку, против нынешнего парка ЦДКА, началась в конце 1917 года работа в кино В. В. Маяковского. Он инсценировал для экрана роман Джека Лондона «Мартин Иден», перенеся героя произведения в условия России.

Поэт Давид Бурлюк, один из близких друзей Маяковского, часто говорил, что Владимир Владимирович похож на Идена. Быть может, это и навело Маяковского на мысль экранизировать роман и сыграть самого себя.

Мартин Иден был переименован автором сценария в Ивана Нова.

Один из зрителей этой первой киноработы Маяковского, писатель В. Шкловский, так передает содержание фильма:

«...Поэт из народа Иван Нов случайно спасает на улице какого-то молодого человека. Молодой человек знакомит его со своей сестрой, вводит в общество.

Поэт прославился, но его не любят. Он хочет покончить с собой, играет с револьвером, перелезает через решотку балкона. Потом надевает свой цилиндр на скелет, почему-то стоящий в его комнате, и уходит по дороге, бездомный и свободный, как Чаплин, который еще тогда не снимал таких лент.

В этом фильме были показаны друзья Ивана Нова — футуристы. Смущался на экране Давид Бурлюк с лорнетом, Василий Каменский, тогда еще молодой, улыбался публике» (из статьи в газете «Кино» № 17 за 1937 год).

Для показа некоторых своих друзей Маяковский ввел в фильм сцену, воспроизведшую прославленное в ту пору кафе поэтов.

Съемки фильма «Не для денег родившийся» начались в первые дни 1918 года. О ходе работы над фильмом сообщает интересные эпизоды Л. А. Гринкруг, исполнитель роли молодого человека, спасенного Иваном Новом.

Маяковский уговорил его играть в фильме и придумал для него роль брата девушки, в которую влюблен герой.

Участники этой киносъемки, происходившей более двадцати лет назад, рассказывают, что Владимир Владимирович с самого начала постановки стал вмешиваться в режиссерскую работу. Работа сопровождалась спорами и пререканиями.

В работе над фильмом Маяковский был точен, пунктуален и вообще, как всегда в работе, очень строг к себе и другим. В период съемок Маяковский обжигал глаза, так как очень старался и смотрел прямо в слепящие юпитера.

Сцена из фильма «Не для денег родившийся», снятого по сценарию и с участием Вл. Маяковского в 1918 году. Герой фильма Иван Нов (В. В. Маяковский) в семье любимой девушки.

В письмах поэт писал:

«...Спасаюсь кинемо. Переусердствовал. Глаза болят, как сволочь... Кинематографщики говорят, что я для них небывалый артист. Соблазняют речами, славой и деньгами».

«...Картину кинемо кончаю. Еду сейчас примерять в павильон фрелиховские штаны [1]. В последнем акте я дэнди...»

Маяковский, исполняя в фильме роль Ивана Нова, появлялся вначале очень бедно одетым. Затем, когда пришли слава и деньги, поэт Нова предстал перед зрителем в модном костюме и цилиндре.

Владимир Владимирович относился к работе в кино с исключительным интересом и удовольствием, был весел, острил, шутил. Иной раз, когда уже начиналась съемка и трещал аппарат, Владимир Владимирович не скупился на отсебятины, вызывавшие смех и поднимавшие настроение всех с ним работавших. Пока кинематограф был «Великим немым», можно было болтать в момент съемок все, что взбредет на ум. Маяковский так подчас и делал.

Фильм длиною в 1920 метров был закончен производством в апреле. В кино «Модерн» (ныне «Метрополь») устроили торжественный просмотр.

На экране вспыхнула надпись:

«Не для денег родившийся. Инсценировка романа Джека Лондона в понимании Маяковского».

В. Шкловский писал, что хозяину фирмы лента не понравилась.

Маяковский и сам был недоволен фильмом. Он говорил, что ему не удалось полностью сделать то, что замышлял.

Фильм в том же году появился на экране. В последнее время были предприняты поиски этой картины, но ни одного экземпляра обнаружить пока не удалось. Быть может, в каком-нибудь районном киноархиве под спудом случайно уцелела эта первая кинематографическая работа поэта.

Сохранилось несколько фотографий, сделанных в моменты съемок фильма Маяковского в ателье «Нептун». Они донесли до наших дней образ двадцатипятилетнего Маяковского в роли Ивана Нова.

Сохранился рекламный плакат к фильму, нарисованный самим Маяковским. Чтобы изобразить на этом плакате героя фильма в соответствующей позе, Маяковский попросил сделать с него самого специальный снимок. Мы показываем здесь это фото и нарисованный затем Владимиром Владимировичем киноплакат.

●

Придя в кино, Маяковский стремился сделать в нем все, что мог.

«...пишу сценарий, играю сам, рисую для кино плакаты», — писал он в своей автобиографии.

Как отозвалась пресса тех лет на появление Маяковского в кино?

Журнал «Мир экрана» (№ 1 за 1918 год) в обзоре о работе киноателье «Нептун» писал:

«Откликается фирма на социальные темы, таковы только что

[1] О. Н. Фрелих, артист драмы, сейчас работает в Московском театре ленинского комсомола.

законченные картины «Не для денег родившийся» с участием В. В. Маяковского по его сценарию и «Учительница рабочих». Если фирма пойдет по этому пути, пути культурных достижений, то только от этого выиграет...»

Другой журнал — «Рампа и жизнь» (№ 23 за 1918 год) — сообщал:

«В ателье «Нептун» была продемонстрирована картина с участием писателя-футуриста В. Маяковского, который произвел очень хорошее впечатление и обещает быть хорошим характерным киноактером. Остальные исполнители слабы».

●

«Учительница рабочих», упоминаемая в одной из заметок, — вторая киноработа поэта. Этот фильм снят той же весной 1918 года. Режиссировал и снимал картину оператор Е. О. Славинский.

Повесть итальянского писателя де Амичис «Учительница рабочих» послужила Маяковскому темой для сценария кинофильма, названного им «Барышня и хулиган». И в этой своей инсценировке Владимир Владимирович перенес действие в Россию. Роль учительницы (барышни) исполняла артистка Художественного театра А. В. Ребикова, хулигана играл сам Маяковский.

Этот фильм сохранился полностью и недавно нам довелось его просмотреть.

Надо признать, что поэт держался перед кинокамерой исключительно свободно и непосредственно. Между тем игра в кинематографе двадцать два года назад была значительно условнее чем сейчас. Современный зритель, просматривая кинодрамы тех лет, нередко смеется над кривлянием, усиленной жестикуляцией и манерой игры исполнителей, считавшихся корифеями экрана.

Маяковский, будучи человеком, устремленным в будущее, принес эту свою особенность и в новый для него жанр искусства — в кино.

Просматривая сегодня фильм с участием поэта, убеждаешься в том, что Маяковский сумел быть новатором не только в поэзии. Поэт набросал в своих киновыступлениях основы новой актерской техники. Его игра для экрана сдержанна, проста и вместе с тем убедительна.

●

Третья киноработа В. В. Маяковского называлась «Закованная фильмой».

В этом фильме живой человек влюбляется в заэкранную женщину. Она сходит к нему с экрана. Условная женщина начинает жить в живой жизни, среди живых людей. Но экранным людям без нее скучно. Они подстерегают ее, когда она одна, и опять ловят ее на пленку, а живой человек, бросаясь в поиски за ней, проникает в заэкранную жизнь. Он среди киноперсонажей: ковбоев, сыщиков и т. д.

Владельцы ателье поскупились на постановку, а режиссер — покойный Туркин, человек абсолютно косный, — сделал все для того, чтобы провалить картину. Снимали без единой репетиции.

Картина «Закованная фильмой», к сожалению, не сохранилась. Остались лишь отдельные небольшие отрывки этого неинсценированного, оригинального произведения поэта.

Маяковскому, повидимому, нравился этот сценарий. Восемь лет спустя — в 1926 году — он вернулся к нему, написал вторую, измененную редакцию и назвал его «Сердце кино» или «Сердце экрана». Фильм предполагалось поставить на Украине, но постановка так и не была осуществлена.

●

Если бы в дебрях многочисленных киноархивов, разбросанных в разных концах Союза, удалось обнаружить недостающие две кинокартины В. В. Маяковского, мы получили бы представление о том периоде, который талантливейший поэт нашей эпохи провел перед кинокамерой в качестве киноактера.

Сцена из картины «Закованная фильмой». Художник (В. Маяковский) рисует портрет цыганки (А. В. Ребикова).

Плакат к фильму «Не для денег родившийся», нарисованный В. В. Маяковским. Для работы над плакатом Владимир Владимирович предварительно снялся в соответствующей позе. С этого снимка им был сделан плакат.

В центре — сцена из картины «Не для денег родившийся». В кафе поэтов. Стоят — поэт Д. Бурлюк (с лорнетом в руке) и В. Маяковский. Внизу — сцена из того же фильма. В. Маяковский в роли Ивана Нова.

Кадр из фильма. Выступление Александры Соколовой (артистка В. Марецкая) в Кремле.

Новый фильм «Член правительства» режиссеров А. Зархи и И. Хейфица по праву открыл кинофестиваль, посвященный двадцатилетию советской кинематографии.

В этой картине молодые режиссеры вместе со сценаристкой Катериной Виноградской (автор сценариев «Обломок империи», «Партийный билет» и другие) создали волнующую киноповесть о простой советской крестьянке Александре Соколовой, показали трудный, но радостный путь ее от забитой деревенской «бабы» до председательницы колхоза, талантливого организатора новой советской деревни, и выше — до депутата Верховного Совета, члена правительства первого в мире социалистического государства.

Она появляется перед нами — отсталая крестьянка Александра Соколова, забитая мать двух ребятишек, над которой издевается ее ревнивый и разгульный муж Ефим. Но забитая, несмотря на всю свою забитость Александра смутно чувствует силу новой, большевистской правды и всем своим существом тянется к ней.

Глубокое стремление к осмысленной человеческой жизни стараются погасить в Александре замаскированные враги: Сташков и агроном Кривошеев. Сташков велит арестовать Соколову «за кулацкую агитацию против его действий как члена партии». И только секретарь райкома, человек с подлинным большевистским талантом угадывать призвание людей и направлять их на работу по их способностям, указывает Соколовой верный путь. Секретарь приходит к Ефиму Соколову с предложением назначить Александру на место прежнего негодного председателя колхоза Телегина: «Мы начинаем дело, которого мир не знал. Выдвигаем женщину на руководящую работу. Партия радуется — свой человек на ноги встает. Товарищ Сталин каждый день партии на женщину указывает...»

На каждом шагу встречает новая председательница колхоза трудности, осложнения, противодействие. Много горя хлебнула Соколова, восстав против вековото «идиотизма деревенской жизни», становясь государственным деятелем нового типа, поднявшимся из самого отсталого слоя русской деревни. Против нее восстают все темные силы старой деревни, подстерегают ее каждый, еще не уверенный шаг, стараются всеми средствами сорвать ее работу. Вот Александра встречает телегу, на которой компания лодырей, симулируя болезнь, хочет улизнуть от полевых работ. Соколова пытается уговорить бездельников поехать на работу, хочет повернуть лошадь обратно. Лодыри издеваются над ней, и с учащенно бьющимся сердцем зритель видит, как они волокут Александру по грязной дороге за своей телегой...

Врагом Александры Соколовой является и ее собственная малограмотность. Ее природный ум бьется над вопросами правильного распределения колхозного дохода — как бы сделать так, чтобы честные колхозники получали больше, а лодыри — не получали бы ничего... С этой наметкой будущего закона о трудоднях Соколова решается обратиться к Сталину. Она хочет написать вождю народа письмо, спросить, «как вы с лодырями поступаете, которые в нашем деле насмешку строят и надеются прожить на легкой ноге...» Ночью, когда засыпают ее дети, председательница колхоза приступает к заветному письму. Но она вынуждена остановиться на первом же слове. Она не знает, как написать обращение. А дети спят, жаль будить... Александра смущенно встает из-за стола, подходит к спящей старшей дочке, поправляет ей одеяло, несколько секунд стоит в нерешительности. Наконец, она все-таки будит девочку:

— Доченька... доченька... проснись, родимая... Как пишут «Виссарионыч»? Два «сы», ай одно?

Девочка поднимает спутанную головку и с закрытыми глазками сквозь сон отвечает:

— Два.

А вскоре после этого удивленный и обрадованный секретарь райкома говорит Александре:

— Ну, Соколова, удивила ты меня. Многого я от тебя ждал, но такого дела, откровенно признаюсь, не ждал. Закон о распределении доходов по труду. Ты понимаешь сама, что это такое?..

Так, от ступеньки к ступеньке, председательница колхоза Соколова поднимается до высот подлинно государственного мышления. Этот важный процесс авторы фильма и замечательная исполнительница роли Соколовой — заслуженная артистка республики В. Марецкая — раскрывают во всей его сложности, ничего не затушевывая и ничего не прикрашивая. Вместе с Соколовой зритель волнуется за судьбу ее колхоза, вместе с ней готовится к докладу, вместе с ней пишет письмо товарищу Сталину, вместе с ней радуется ее победам и ее торжеству, когда Соколову избирают в члены Верховного Совета, когда она готовится выступить с самой высокой трибуны в мире — с трибуны в Кремле.

В кулуарах сессии Александра Соколова несколько раз читает текст речи, которую она должна произнести. Вот Соколова поднялась на высокую трибуну. В этот момент в зал заседания входит товарищ Сталин. Все депутаты поднялись с мест, буря горячих приветствий несется навстречу вождю и учителю. Вместе с сессией рукоплещет вождю народа и депутат Соколова. От волнения и радости она не замечает, как упала с трибуны ее тетрадка с приготовленной речью и застряла под чьим-то стулом.

Когда буря оваций стихает, Соколова, позабыв о тетрадке, произносит вдохновенную, здесь же родившуюся речь: о себе, о своей жизни, о своем трудном, но победном пути:

— Товарищи депутаты! Вот стою я перед вами, простая русская баба, мужем битая, попами пуганая, врагами стреляная, живучая! Вот стою я и думаю: зачем я здесь? Это проводить величайшие в мире законы. Это ж понять надо! Ах, жалко мне только, что прошла моя молодость на чужом поле, на хозяйских [illegible]шках, на мужних кулаках! Ну да чего там говорить! Гляжу я сейчас только на свое счастье, гляжу и верю, — может, и мое словечко в закон-то ляжет... Вот мы дом ли строим, лес ли секем, едим ли, пьем ли, — ведь это все вторая половина дела. А ведь первую за нас Ленин — Сталин сделали.

Так будем биться за них и само собою за эту жизнь до самого нашего смертного часу!

Новой волной оваций отвечает зал, страна на эту замечательную речь замечательной советской женщины, рассказавшей о себе и в своем лице о сотнях тысяч подобных ей талантливых организа-

торш колхозного строя, колхозного хозяйства.

Огромное обаяние жизненной правды, необычайную убедительность и подлинную человечность получил образ Соколовой в прекрасном и искреннем исполнении В. Марецкой. Зрителя одинаково покоряет и суровый реализм тех сцен, где Марецкая показывает Александру Соколову в ее будничном упорном труде, и творческая страсть, романтическая приподнятость эпизодов, где Соколова-Марецкая в торжественные минуты подводит итоги колхозной работы и собственной жизни. Общественная и личная жизнь героини фильма тесно переплетены между собой и почти во всех сценах Марецкая сумела ярко показать величайшие душевные богатства простой русской женщины — богатства, которые с такой силой подметил еще Некрасов, но которые вызвала к жизни только Великая Октябрьская социалистическая революция.

Образ Александры Соколовой настолько удался и сценаристке, и режиссерам, и артистке, что у зрителей остается впечатление будто Соколова принимает участие во всех без исключения эпизодах фильма — даже тех, где действие развивается без нее. Это — типичная черта всех лучших образов, созданных советским киноискусством. То же, припомним, было с профессором Полежаевым в «Депутате Балтики», так же заполнял в нашем воображении все кадры классического фильма «Чапаев», так же жил Максим во всех эпизодах «Юности Максима».

Однако успех «Члена правительства» решила не только замечательная игра В. Марецкой. Большой творческой победы добился весь творческий коллектив фильма. Ярко и убедительно играет Ефима Соколова, отсталого, но по-своему обаятельного человека, заслуженный артист республики В. Ванин. Запоминается образ вредителя, агронома Кривошеева, в исполнении артиста И. Назарова. Колоритную фигуру бывшего председателя колхоза Телегина создает артист К. Сорокин. С большим вкусом и подлинным чувством средне-русской природы снял картину оператор А. Гинцбург.

Так на двадцатом году своей работы мастера советского киноискусства начинают щедро возвращать свой долг колхозной деревне. Фильм «Член правительства» покоряет огромной правдой показанной в нем жизни, творческим волнением, которым насытили фильм его авторы: сценаристка, режиссеры, актеры, оператор. Фильм А. Зархи и И. Хейфица о талантливой дочери народа, завоевавшей свое счастье, станет народным фильмом.

М. ЛУЧАНСКИЙ

После ухода Ефима (причитания Соколовой). Вверху: встреча Соколовой с лодырями.

Марк Волосов

Трагедия парикмахера Луи

Рассказ

Вы встретите бродяг, в жизни не слыхавших про знаменитого султана, засыпавшего только после того, как он отправлял кого-нибудь на тот свет, и про его энную по счету жену, излечившую его от вредной привычки. Но любой из них, поручусь, знает, что такое «шехерезада».

В ожидании поезда встречаются, скажем, бродяги близ водокачки, у скрещения трех дорог. Одна ведет в Индиану, где скоро начнется убой свиней. Другая — в Кентукки, а там самая горячка с табаком, который идет за «настоящий кубинский». Третья — в Пенсильванию: хочешь, иди рубить лес, не нравится, пожалуйте на сталелитейный завод, в крайнем случае, в угольные копи. Коротко говоря, стоит бабье — индейское, как говорят американцы,—лето, у всех водятся денежки, все уверены в заработке, настроение расчудесное.

Тогда устраивают «шехерезаду»: рассказывают поочередно эпизоды из своей жизни или чужой. Американский бродяга очень наблюдателен.

И лежит бродяга с полным брюхом, слушает,— а если его очередь, то рассказывает — хорошую историю, быль или небылицу. Чаще быль, клок жизни, если же небылицу, то остроумную, иногда даже хороший анекдот. Так или иначе, все основано на наблюдениях.

Но и голодный, в холодную, ненастную погоду в конце октября, с ничтожными шансами на работу бродяга слушает или рассказывает.

Награда за хороший рассказ — немое одобрение товарищей.

●

Был долгий томительный рейс. Была осточертевшая однообразная пища. Было невыносимо тоскливо.

Тогда я (самый зеленый на судне) и боцман Стэнси (самый опытный в американском торговом флоте) одновременно пришли к мысли о «шехерезаде».

Так было. И, как ни странно, первым рассказчиком оказался наш парикмахер Луи — невзрачный, почти белобрысый, дьявольски серый на вид человек, неспособный даже, по общему мнению, на сильные переживания. Мы заблуждались. Оправдалась американская поговорка: «Не суди о книге по переплету!»

И ему по праву отводится первое место в моей «шехерезаде».

Мне исполнилось двенадцать, когда Эйми-Лу, годом моложе меня, перевелась в нашу школу. Я не был хилым, но и крепостью не отличался. Самосозерцательный по натуре, я терпеть не мог шумной возни и драк, не ругался, не бегал в огород тайком покуривать. Естественно, в школе, где преобладают фермерские дети, я особенным расположением у товарищей не пользовался. Не по годам рослая, с румянцем во все скуластое лицо, крепко скроенная, скорей, некрасивая, но с чудесными незабываемыми глазами. Не было игры без ее участия. Она не спрашивала мальчишек, примут ли ее, — хотела играть и играла. Однажды ввязалась даже в излюбленное соревнование мальчиков — на дальность плевка. Учительница вознегодовала.

— Эйми-Лу, — театрально начала она, — неужели ты полагаешь, что нашему спасителю приятно видеть, как ты плюешься? В писании не упоминается ни одна женщина, которая делала бы такие гадкие вещи!

— Прошу прощения, — быстро отозвалась Эйми-Лу. — По-вашему, спасителю доставляет удовольствие взирать с небес, как мальчики плюются?

С того дня Эйми-Лу стала вожаком нашего класса. Ее авторитета не оспаривал даже сын шерифа.

И вот из всей массы школьников жизнерадостная, горячая Эйми-Лу отдала предпочтение мне — самому вялому, самому тихому, незаметному. Она никому не позволяла меня обижать—о, какие у этой девчонки были кулачки! И в проворности тоже никому не уступала. Мальчишки стали меня дразнить «Эйми-Луи», но только, когда она не слышала. Одного лишь она не позволяла себе—лазать по деревьям — и со вздохом смотрела на рассевшихся в ветвях мальчиков. Разве в юбке полезешь на дерево?

Кончили мы школу. Эйми-Лу сбросила с себя к тому времени угловатость, стала женственнее, но попрежнему оставалась, пожалуй, некрасивой. Очень портила скуластость и чересчур длинный подбородок. Пленяли бесподобная свежесть и бездонные зеленовато-серые глаза. Хотя и крупная, она была тем не менее хорошо сложена. По натуре — пылкая, страстная, увлекающаяся.

Мы часами сидели над рекой, молча, держась за руки, вместе гуляли в лесу, читали, ходили в кинематограф. Я полюбил ее со всей силой замкнутой натуры. Я ни разу не поцеловал ее, хотя случаи для этого представлялись неоднократно. Слово «любовь» ни разу не было между нами произнесено,—все-таки я твердо знаю, что это была подлинная любовь, а не привычка или детская привязанность. Возможно, взаимное тяготение противоположностей.

Об университете мне, сыну мелкого фермера, нечего было мечтать. Через два года по окончании школы я уехал в Чикаго искать счастья. Подыщу место конторщика, размышлял я, займусь самообучением, а с местом бухгалтера смогу жениться.

Но — случай! Три недели прослонялся попустому и рад был даже месту гардеробщика в парикмахерской. Я понравился хозяину, он вызвался учить меня. У меня обнаружился прямо-таки парикмахерский талант — легкая рука, хороший вкус. Спустя два года я работал уже мастером. Завелись и у меня «свои клиенты», очень лестно, когда видишь, что человек, не жалея времени, ждет, пока освободится е г о мастер.

По совету хозяина, я отпустил себе усы, баки и бороду. Светлое обрамление моего овального лица слегка «офранцузило» меня. К тому же — мое имя. «Луи-француз» стали меня шутя звать. А французы считаются в Америке лучшими парикмахерами. Расчет хозяина оправдался. Появились клиенты из артистической среды. А актер — это человек, который позволяет тебе делать с его лицом, что угодно, и платит, не задавая вопросов, лишь бы ему уйти уверенным, что стал свежей и неотразимей.

Там произошло мое знакомство с Криссом. Случай вместо карандаша и гроссбухов сунул мне в руки гребень и бритву. Случай толкнул Крисса Ринглера на мой и Эйми-Лу путь.

Прошло три с лишним года. Я собрал достаточно, чтобы обставить скромную квартирку. Я не скрывал от хозяина и товарищей своих планов, не было также ничего удивительного, что об этом узнал Крисс Ринглер—уже с полгода мой постоянный клиент.

Он шумно вваливался в парикмахерскую и сразу как бы заполнял ее своим массивным телом, жизнерадостностью и густым заразительным смехом. Для каждого у него находилось добродушное словечко, анекдоты — остроумные — так и сыпались из него. Рубаха-парень, любимец женщин, он никогда не хвастался своими победами, но об этом, захлебываясь, рассказывали другие. Между тем он был совсем некрасив, к тому же у него на верхней губе красовалась большая бородавка, а левый глаз сильно косил.

Усталый от беготни по городу (он представлял крупную парфюмерную фирму), он валился в кресло и закрывал глаза. Я причесывал его, брил, массировал лицо, опрыскивал благовониями. Поднявшись, он смотрелся, довольный, в зеркало и говорил:

— Хорошо!

Он никогда не оставлял чаевых, но часто дарил что-нибудь — зубную щетку, тюбочку зубной пасты, гребень. И делал это просто, без высокомерия, барства.

Крисс стал шумно поздравлять меня со скорым «пожизненным заключением», пригласил распить с ним по этому поводу бутылочку... Правый глаз — нормальный — лукаво подмигнул: бутылочка, мол, будет небезалкогольная [1].

Я решил дать Эйми-Лу возможность сперва оглядеться в большом городе: нечестно будет, говорил я себе, сразу связать замужеством девушку, по-настоящему не видевшую жизни. Я подыскал ей комнату в семье, в пригороде Оук-Парк, в двух минутах ходьбы от электрички, и приезжал туда после работы. Иногда мы сидели в хозяйской гостиной, чаще отправлялись в город — в кино, в увеселительный сад, изредка в театр.

Однажды, в субботу, вечером, я решил доставить Эйми-Лу максимальное удовольствие, доступное небогатому молодому человеку: повел ее слушать «Тоску», а после театра — в один из лучших ресторанов, заранее поставив крест на недельном заработке. Заказал официанту ужин, целиком предоставив выбор блюд Эйми-Лу, и попросил ч а ю: особенное ударение на этом слове говорило, что желательно что-нибудь покрепче чая. Скоро наши чашки наполнились ароматным глинтвейном. Эйми-Лу впервые в жизни пила вино, и оно сразу ударило ей в голову. В моих ушах музыкой отдавался ее безмятежный смех.

У меня было принято решение: не торопить Эйми-Лу, ждать, пока она не предложит сама обвенчаться. И в глубине души я лелеял надежду услышать в этот вечер долгожданное слово.

За соседним столом шумно расселась компания: две дамы, трое мужчин, среди них Крисс Ринглер. Мужчины то и дело доставали из карманов фляги, чашки у всех снова и снова наполнялись. Крисс повернул голову и увидел нас. Что-то сказал сотрапезникам, и пять чашек слегка приподнялись над соседним столом. Я глазами предложил Эйми-Лу, сидевшей спиною, обернуться. Поймав на себе столько глаз, она очень сконфузилась, вопросительно посмотрела на меня... и сама машинально приподняла чашку.

Затем Крисс встал и подошел. Я представил его. Не согласимся ли мы присоединиться к его компании? Мне это не улыбалось, но отказ звучал бы дико. Официанты сдви-

---

[1] Случай, который лег в основу рассказа, относится к началу двадцатых годов, когда в США был в силе «сухой закон».—Примечание автора.

нули столы, появились фрукты, орехи, засахаренный миндаль — и снова чайники. Эйми-Лу выпила еще. Поборов однажды свое смущение, она стала смеяться над собственной неотесанностью. За столом сделалось непринужденно весело. Чудесные глаза Эйми-Лу приковывали к себе взоры. Крисс Ринглер не сводил с девушки глаз, стараясь не показывать этого, и к нему, я видел, чаще всего тянулся взгляд Эйми-Лу.

Этот вечер был крушением моей жизни. В этот вечер я потерял Эйми-Лу.

Крисс пошел нас проводить, и на прощание Эйми-Лу, совсем как столичная дама, сказала:

— О, Луи, ты непременно пригласи мистера Ринглера к нам в Оук-Парк.

Что мне оставалось делать? Условились, что в среду — в этот день я рано освобождался — пойдем в театр, оттуда «куда-нибудь». Чтобы друг друга не связывать, я и Крисс приедем в Оук-Парк каждый отдельно к семи часам.

Еще и половины седьмого не было, когда я приехал, но уже в дверях услышал густой смех, которому мягко вторила Эйми-Лу. Крисс мельком бросил, что освободился раньше, чем предполагал.

Эйми-Лу поздоровалась со мной тепло, как всегда, но сердце у меня упало при первом взгляде на нее. Я никогда не видел ее такой возбужденной — ни накануне, когда она впервые в опере, вся трепеща, слушала «Тóску»... ни тогда, когда она, еще девочка, водила нас в бой против одноклассников другой школы.

С того дня не узнать стало уравновешенной, скромной провинциальной девушки. Она еле могла дождаться минуты, когда мы «пойдем куда-нибудь», и я внутренним взором видел, что дело вовсе не в том, чтобы пойти куда-нибудь, а в том, чтобы быть возле Крисса Ринглера, неизменно сопутствовавшего нам. Я предчувствовал катастрофу, однако гордость не позволяла показывать, что я замечаю ненормальность в отношениях. Мои сбережения быстро таяли в этом вихре развлечений, а с ними — надежды на скромную семейную жизнь. Но я не мог принудить себя хоть раз уклониться от очередной «вылазки» — в загородный ресторан, в оперу с последующим посещением ночного заведения, в увеселительные сады.

Это длилось, впрочем, недолго. Однажды, когда я приехал в Оук-Парк, мне вручили конверт. В вагоне на обратном пути в город я прочитал письмо. Она не может жить без Крисса, он тоже ее любит. И еще несколько шаблонных, принятых в таких случаях фраз.

В последовавшие за этим недели и месяцы я пребывал словно в трансе, жизнь утратила реальность. Всегда не очень разговорчивый, я теперь совсем замкнулся в себе. Пробовал пить, но от алкоголя только мутило. В душе была полная опустошенность. Пожалуй, я уже тогда был немного не в себе. Но то, что произошло дальше...

Возвращаясь как-то поздно с работы, я в вагоне развернул газету. С первой страницы на меня глянуло:

«ПОКИНУТАЯ ВОЗЛЮБЛЕННАЯ КОНЧАЕТ САМОУБИЙСТВОМ!»

Что заставило меня впиться глазами в одну из тех сенсационных заметок, которые меня обычно нисколько не интересовали? Может быть, я подсознательно чего-то в этом роде ожидал?

Дрожа всем телом, я принялся жадно глотать строки. И сразу понял: речь шла об Эйми-Лу.

Почувствовав ночью сильный запах газа, соседи взломали дверь и нашли в бессознательном состоянии молодую женщину, недавно поселившуюся в их доме. Мужчина, который был с нею, исчез несколько дней назад. В больнице выяснилось, что она беременна. По словам врачей, не было никакой надежды на ее спасение.

На другой день я отнес старьевщику все, накопленное годами, скромное имущество, взял остатки сбережений и пошел бродить. Около года таскался я по стране, превратился в настоящего бродягу. Время — лекарь сделало свое дело. Развеял немного горе, потянуло обратно в Чикаго. Хозяин сделал вид, что не замечает моих лохмотьев, отвел в заднюю комнату и, вручив шестьдесят долларов, сказал:

— Когда захочешь, Луи, приходи работать.

Я снова вступил в жизнь со спокойной, расчетливой. рассудительностью, необычайной для моего душевного состояния в последнее время. У меня появилась цель. Месть.

Я начисто сбрил бороду и усы, остриг бобриком свои длинные волосы. Всегда худощавый, я сейчас отощал невероятно и едва узнавал себя в зеркале. Старых клиентов приходилось убеждать, что это «тот самый Луи-француз». Как раз то, что мне нужно было для осуществления моего замысла.

Крисс, говорил я себе, не покинул Чикаго. Человек не бросает годами накопленную клиентуру. Я стал его выслеживать неустанно, день за днем, неделя за неделей. Когда освобождался рано, обходил лучшие парикмахерские в центре города. Вечером караулил у театров, кабаре, оперы. Около полуночи прогуливался близ того или иного первоклассного ресторана. И, наконец, я увидел его. Было около восьми вечера. Крисс Ринглер зашел в скромную парикмахерскую на Мичиган-Авеню.

Я сразу начал действовать. Утром я был там. Отрекомендовался хозяину первоклассным мастером, сказал, где работаю. Хочу переменить место: не ужился, мол, на старом. Очевидно, я понравился ему.

— Сейчас свободного места нет, — сказал он, — понаведайтесь еще.

Я так и поступил, и однажды он спросил:

— Можете в понедельник приступить к работе?

Я кивнул и ушел. Прежнему хозяину сказал, что уезжаю к отцу.

На уроке в неполной средней школе колхоза «Красная Тойси», Батыревского района, Чувашской АССР.

Фото А. Скурихина

На следующей неделе, в среду, в парикмахерскую вошел Крисс. Только человек, одержимый навязчивой идеей, мог так владеть собой, и я ничем не выдал себя, когда его случайный взгляд безразлично скользнул по мне.

Крисс сел к своему постоянному мастеру, в третье кресло от меня. Трудно мне было орудовать бритвой, пока он оставался в парикмахерской: меня как магнитом влекло к нему. Я мельком отметил, что это был не прежний шумный Крисс, которого я знал. Но я не остановился на этой мысли. Меня занимали другие, вернее, одна. Надо заполучить Крисса в свое кресло...

Я был терпелив. Спокойно изучал привычки Крисса, запоминал, в какие дни он бывает. Я уже сейчас играл с ним, как кошка с мышкой, уверенный, что рано или поздно он очутится в моих руках. И тогда... Рот наполнялся слюной, делалось жарко, перехватывало дыхание, перед глазами вставала Эйми-Лу.

В среду и в пятницу Крисс приходил чаще всего. Как это было знакомо мне: он валился в кресло, закрывал глаза и предавался блаженному отдыху, полностью предоставляя себя в распоряжение мастера.

Я не скрежетал зубами от ярости при виде его, я даже не знаю, питал ли я к этому человеку ненависть. Все мои чувства, все мысли сосредоточились на одном — я должен зарезать Крисса. Зарезать! Именно зарезать... Чтобы он, испуская последний вздох, узнал меня. Хотя я мог бы расправиться с ним иначе: я носил в кармане заряженный револьвер для себя. Незачем дожидаться электрического стула. Я сам буду судьей — и ему и себе.

— Фред, — сказал я однажды в пятницу, утром, постоянному мастеру Крисса, — хочешь пойти в оперу? У меня на сегодня два билета, а идти не с кем. Одному неохота.

Фред рано отпросился у хозяина. Я избавился от помехи. А в начале восьмого пришел Крисс. Опять удача! Я оказался свободным, когда разочарованному Криссу сообщили, что его мастер уже ушел.

— Попробуйте, мистер, побриться у Брайяна — он превосходный мастер, могу вас уверить.

В новой парикмахерской я работал под вымышленным именем.

Крисс с безразличным видом опустился в мое кресло, буркнув:

— Побрить и все прочее.

Это «все прочее» было мне наруку: оно избавляло от необходимости говорить. Голос мог бы меня выдать.

При всем желании я не сумел бы описать, что я переживал, что происходило со мной в эти страшные минуты. Огненные круги плыли перед глазами, то охватывало нестерпимым жаром, то зубы начинали стучать от нервной дрожи. Помню, что, стиснув до боли челюсти, я долго правил бритву, а в мозгу непрестанно стучало:

Сейчас!.. Сейчас!.. Сейчас!..

Ни разу не подумал я о том, что через несколько минут сам буду лежать с простреленной головой, но ни капельки не сомневался, что у меня хватит твердости убить себя, когда перережу горло убийце Эйми-Лу и виновнику крушения моей жизни. У меня не было сладостного предвкушения, которое испытывают, должно быть, мстители. Я уже привык смотреть на себя как на орудие рока: сама судьба посадила его ко мне в кресло, под мою бритву. Зная, что мое решение непоколебимо, что теперь никакие силы не отнимут у меня моей жертвы, я как бы играл с нею, оттягивая роковое мгновение. Ведь мне требовался лишь один короткий взмах. Рука не дрожала, в нее была вложена вся моя воля.

Я причесал его, тщательно побрил, сделал массаж лица... Ты умрешь чистеньким, каким приходил к Эйми-Лу! Ты будешь лежать чистеньким... только на шее у тебя будет небольшой порез... вот в этом месте, где сонная артерия... Лежи себе, откинувшись назад, с закрытыми глазами — тебе уже не открыть их...

Я занес бритву.

В этот миг он открыл глаза и шевельнул рукой. Наметанный глаз парикмахера улавливает каждое движение клиента. Я автоматически задержал руку, которая должна была положить конец его жизни и моей. Крисс подался слегка вперед, внимательно посмотрел на себя в зеркало, улыбнулся какой-то своей мысли и сказал:

— Снимите-ка и усы для перемены декорации!

И я повиновался. Намылил усы, сбрил левый, осторожно принялся за правый. Легонько прижал пальцем место, где у Крисса был скрыт толстый бугорок. Мой палец не встретил никакого бугорка. Под правым усом не было бородавки!

Сомненье мгновенно стало терзать мне душу. Вдруг ярко блеснула мысль: ведь этот человек не косит! А много ли нужно, чтобы сомнение дало пышные ростки? И, должно быть, убить человека не так-то просто. Вспомнилось сейчас, как вошел в парикмахерскую человек, которого я считал Криссом, без шума, без веселого, присущего Криссу заразительного смеха. Боже, я чуть не зарезал кого-то другого, невинного человека! Да разве элегантный Крисс надел бы такой костюм, правда, чистый, но сильно поношенный!

Я продолжал работать. Словно в тумане видел я, как человек поднялся с кресла, с довольным видом посмотрелся в зеркало и сказал:

— Хорошо!

Я вздрогнул от этого слова.

— Вы действительно замечательно работаете. А то, знаете, когда случается сбривать усы у незнакомого мастера, так меня, по старой памяти, разбирает опасение: у меня совсем еще недавно была тут большущая бородавка...

Если бы он взглянул в эту минуту на меня, он не мог бы меня не узнать, во всяком случае, должен был бы о чем-то догадаться. Но он смотрел в зеркало, я же стоял и отстукивал зубами дрожь. И снова я услышал знакомый густой смех. А затем:

— Здорово же они наловчились! До чего чисто сработано — кто бы догадался, что здесь сидела большая багровая загогулина? В лупу и то следа не разглядишь!

Он словно глумился надо мной. Но я молчал, я не мог заставить себя хоть слово произнести. А этот словоохотливый человек продолжал терзать меня:

— И недорого взяли — всего пятьдесят монет. Зато специалист по глазам — тот с меня здорово содрал, обдирала этакий! Три сотни! И операция-то, как он объяснил после, самая пустяковая: подрезал какой-то нервик — и готово. Я прежде страшно косил. А тут сразу перестал. Только три дня с повязкой походил... Уж очень хотелось жене удовольствие доставить, — чуть задумчиво добавил он в заключение.

Ко мне постепенно возвращалось спокойствие — спокойствие, порожденное страшным напряжением воли. Первое мое движение было — подойти и выстрелить ему в затылок. Я решил это сделать, но не в парикмахерской.

Сбросив халат, я кинул его изумленному гардеробщику и выбежал следом за Криссом. Как заправский сыщик крался я за ним, держась на расстоянии, решив проследить его до дома. У тебя есть жена?! Хорошо... Хорошо... У меня тоже была бы жена... В моей психике произошел перелом: если можно его убить, а затем скрыться, то почему не попытаться? Вдобавок к желанию уничтожить Крисса во мне вспыхнуло — вам покажется, конечно, смешным — озлобление, зачем он обманом спасся от моей бритвы? А мысль об обмане вызвала другую: сколько женщин погубит теперь этот охотник за женским телом, так много выигравший во внешности, избавившись от физических недостатков? Я обязан его убить. Я орудие рока.

Он зашел в магазин, я уверенно последовал за ним: в толпе он меня не заметит. Он купил недорогую коробку конфет и направился к станции пригородных поездов. Мы вошли в один вагон, я вместе с ним вышел в Вильмингтоне. Странно, невольно подумал я, Крисс покупает дешовые конфеты, Крисс живет далеко от центра. Я шел за ним по противоположному тротуару, соблюдая осторожность, так как здесь народу было немного, а сентябрьские вечера довольно светлы. Крисс остановился у миниатюрного особнячка и сунул руку в карман. Я быстро, как кошка, перебежал через дорогу. Коробка и портфель мешали ему действовать ключом, поэтому я успел шмыгнуть в подъезд следом за ним и тотчас же захлопнул за собой дверь. Когда Крисс, удивленный, обернулся, на него смотрело дуло браунинга.

Я ничего не говорил, но рука моя нажимала спусковую скобу. Он сказал:

— Это вы, Луи.

Не вопрос и не восклицание. Затем добавил:

— Что же будет с нею?

Лишь тогда во мне впервые заговорила жажда мести. Так! Ты думаешь о своей жене, с которой делишь этот особнячок? Ты, наверное, был уже женат, когда соблазнил, бросил и погубил провинциальную простушку! Я бешено прохрипел, наводя пистолет ему на живот:

— А о ней вы думали?

— Я о ней и говорю, — невозмутимо ответил он и добавил: — Пойдемте, Луи.

Он повернулся и стал спокойно подниматься по лестнице. Я пошел за ним. У меня даже не закралась мысль, что он, быть может, дурачит меня, чтобы выгадать время и как-нибудь спастись. Я поверил.

Крисс открыл дверь, приложил палец к губам, вошел в переднюю и пропустил меня. Из внутренних покоев послышался голос (как он был мне знаком!) — чуть капризный голос женщины, которую любят:

— Как поздно, Крисс! Я совсем тебя заждалась!

Оставив меня, Крисс вошел в комнату, и оттуда вместе с его бурным смехом послышалось:

— Боже, я бы тебя не узнала! Что это ты вздумал усы снять?

— Ха-ха-ха! Хотел тебе сюрприз сделать! И конфет купил твоих любимых, со сливами. Сейчас принесу. Но, кажется, я опять не захлопнул как следует дверь внизу.

Он сделал мне знак глазами, мы вышли на площадку. Он прикрыл дверь. От всего пережитого я совершенно обмяк, с трудом передвигался.

— У нее отнялись тогда ноги, — тихо сказал Крисс. — Я привез ее сюда, как только разрешили взять из больницы. Я не расставался с ней с того утра, когда... когда об этом появилось в газетах. Я не теряю надежды. Врачи горячо рекомендуют один целебный источник в Европе. Еще месяцев восемь — десять и у меня будет, я думаю, достаточно, чтобы повезти ее туда. Каждый цент берегу сейчас...

Я тихо брел назад к станции.

Павло Усенко

ЗАПЕВКА

Дни мои и годы
Весело-вeсёлы,
Мы несем обнову
Городам и селам.
Ветер брови хмурил,
Грохотали тучи,—
Это ль сломит волю
Дней моих могучих!
Миру мир несем мы
До конца, до краю,—
Буря, солнце, громы
Славу нам играют.
Расцветают пышно
Города и селы...
Дни мои и годы
Весело-весёлы.

Перевел с украинского
ИЛЬЯ САДОФЬЕВ

КАК ОНИ ВРУТ

Англо-французский военный блок в числе прочих чрезвычайных мероприятий провел массовую мобилизацию... вралей, которые теперь изощряются в самых фантастических выдумках на страницах лондонских и парижских газет. Врали эти разных калибров и вкусов.

Вот, например, образчик невинного, развлекательного вранья, помещенный во французской газете «Энтрансижан»:

«Надняx,—сообщает французский барон Мюнхгаузен, — один пилот, возвращавшийся на свою базу после полета над Северным морем, натолкнулся в воздухе на какой-то предмет. Самолет слегка накренился, а затем снова выровнялся. Но вскоре с мотора в кабину летчика стал доноситься раздражающий, апетитный запах чего-то жареного. Когда самолет приземлился, мотор осмотрели и обнаружили в нем, ко всеобщему изумлению и веселью, превосходно изжарившуюся дикую утку».

Однако главное предназначение армии газетных вралей заключается не в развлечении почтеннейшей публики, а в ее обработке в соответствии с задачами военной пропаганды империалистов. Рекордный образец подобного рода продукции получил широкое распространение в западноевропейской печати в феврале сего года.

Оказывается, англо-французский военный союз получил благословение от самой Жанны д'Арк, орлеанской девственницы. С ней беседовал известный французский спирит Леон Дени, и дух Жанны д'Арк просил его опубликовать заявление, в котором, между прочим, говорится:

«Я плачу от радости, что французы и англичане объединились и представляют собой одно целое. Не разлучайтесь никогда, вы, начавшие эту эпопею грандиозной войны».

Наряду с этим возвышенным бредом продажные газетчики пускаются на прозаическую низкопробную ложь, в особенности, когда ее нужно приспособить для нужд антисоветской кампании.

«ЛИНИЯ МАЖИНО» ДЛЯ ЛОНДОНСКИХ КАПИТАЛИСТОВ

День за днем английская печать поучает своих соотечественников: «Ограничивайте себя во всем, времена трудные, война». Эта проповедь воздержания назойливо повторяется в статьях, экономических обзорах, комментариях к текущей информации. Но кто желает знать, как следуют этим ханжеским сентенциям имущие классы, тот должен пробежать колонки газетных объявлений. Там речь идет не на такие постные темы. В газете «Таймс» владельцы фешенебельного отеля «Барнемут Ройял Бэт Отель» рекомендуют читателям:

«Уйдите от всякого шума в наш веселый отель. У вас исчезнут все заботы. В нашем отеле купанье в бассейнах соединено с танцами, легкой музыкой и другими приятными развлечениями. Вы освежитесь, подкрепите свои силы винами из нашего знаменитого подвала и яствами нашей прославленной кухни. Наш отель гарантирует вам полную безопасность. Прочные газоубежища с великолепной вентиляцией».

Конкурирующий с этой фирмой соседний отель рекомендует себя следующим образом:

«В военное время домашнее хозяйство является большим бременем. Почему бы вам не переселиться в один из отелей северного Лондона. Гарантия от всех неприятностей. Наши противовоздушные убежища — единственные в своем роде».

Если учесть, что самый дешовый номер в этом отеле обходится в 5 фунтов стерлингов в сутки, нетрудно понять, к каким слоям населения обращена эта реклама.

«Мы, — зазывает клиентов администрация «Сеслсдом Парк Отель», — являемся лучшим местом в военное время. Наши роскошные подземные убежища защищены четырьмя слоями железобетона. К вашим услугам там оборудованы площадки для гольфа, электрогимнастика. Все ваши пожелания выполняются немедленно, самым тщательным образом».

Засевшие в подобной «линии Мажино» английские буржуа, естественно, не возражают против самой затяжной войны.

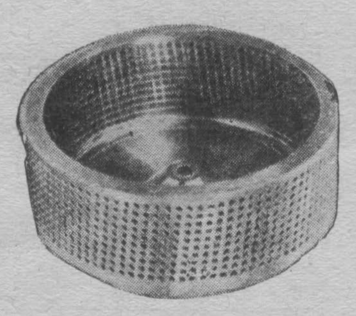
Новое В НАУКЕ И ТЕХНИКЕ

120 ТЫСЯЧ СНИМКОВ В СЕКУНДУ. Американский инженер У. К. Рэнкин (Филадельфия) сконструировал фотоаппарат, делающий до 120 тысяч снимков в секунду. Этот аппарат предназначен для фотографирования электрических разрядов с целью изучения их формы и скорости.

Аппарат имеет цилиндрическую форму и заключен в стальной кожух таких

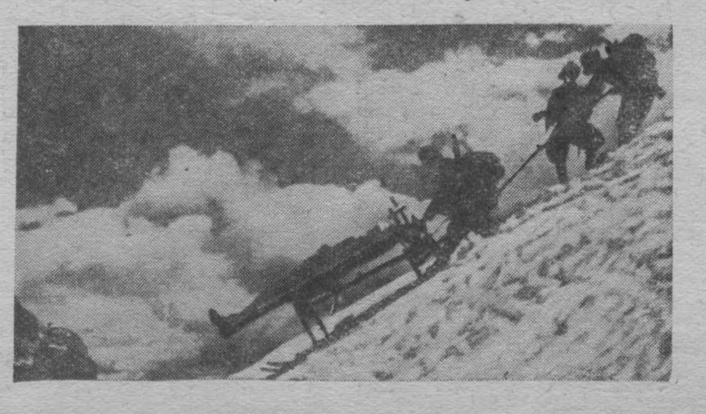

больших размеров, что внутренность его служит темной комнатой, в которой заряжается аппарат. Конструкция этого фотоаппарата очень интересна. Затвором в нем служит быстро вращающийся барабан с 1000 отверстий диаметром в

0,25 миллиметра. Эти отверстия играют роль объективов. Катушек для пленки в аппарате нет: отрезок пленки соответствующей длины закладывается внутрь барабана и при вращении барабана прижимается к его внутренней стенке центробежной силой.

НОСИЛКИ НА ЛЫЖАХ. Во время одного из недавних учений итальянской армии демонстрировалась новая модель носилок, специально приспособленных для перевозки раненых по покрытым снегом горным склонам. Брезентовые носилки устанавливаются на легкой металлической раме, которая укреплена на паре горных лыж. Рама снабжена шарнирами, с помощью которых выдвижные ножки носилок автоматически удлиняются или укорачиваются, чтобы удерживать носилки в возможно более прямом положении при подъемах и спусках.

«ЗАПАСНЫЕ ЧАСТИ». В одной из лучших клиник Соединенных штатов Америки — клинике Мэйо в Рочестере — за последнее время стали применяться «запасные части» человеческого тела: носы и уши из особого сорта каучука, изготовляемые по методу директора американского Музея гигиены и медицины А. Бульбуляна. Эти «запасные части» удерживаются на лице больного (лишившегося уха или носа в результате болезни или несчастного случая) оправой из очков или специальным клеем. Иногда они служат больному только временно, до производства пластической операции; в тех же случаях, когда операция не может быть произведена, по недостатку средств у больного (пластические операции дороги и почти недоступны трудящимся в США) или потому, что преклонный возраст мешает успешной пересадке тканей, эти «запасные части» навсегда остаются на лице больного.

Д-р Бульбулян, опираясь на опыт клиники Мэйо, утверждает, что по возможностям приближения к естественной форме и цвету, а также и по прочности предлагаемый им материал значительно превосходит все прочие материалы, применявшиеся до сих пор для изготовления искусственных частей лица.

СЛЕПАЯ ПОСАДКА. Американская радиокорпорация приобрела патент на радиосигнализационную аппаратуру для слепой посадки самолетов.

Четыре направленных «радиолуча» расходятся в эфир с посадочной площадки, образуя как бы воронку, узким концом направленную к земле. Если пилот, идя на посадку, держится правильного направления, его радиоприемник принимает только легкое жужжанье. Если он слишком уклонился влево, он слышит голос, повторяющий непрестанно: «Вправо, вправо, вправо!»; если идет слишком высоко, голос повторяет: «Вниз, вниз, вниз!»; при отклонении вправо: «Влево, влево, влево!»; при слишком раннем снижении: «Вверх, вверх, вверх!»

При желании звуковые сигналы могут быть заменены зрительными: отклонением специальной стрелки или зажиганием цветных лампочек на панели управления. Звуковые сигналы считаются, однако, более удобными, так как сразу привлекают внимание пилота и в то же время дают ему возможность следить за приборами и высматривать в ночной темноте и тумане первые проблески огней аэродрома. Американские журналы указывают, что новая система звуковой радиосигнализации удобнее и проще в эксплоатации чем многие другие системы, применяемые при слепой посадке.

ЭПТОН СИНКЛЕР «Малая сталь». Роман. Перевод с английского О. Холмской и М. Богословской. Журнал «Интернациональная литература» № 7—8 за 1939 год.

Действие романа Эптона Синклера «Малая сталь» происходит в одном из центров сталелитейной промышленности США. Перед читателем проходят: стальной магнат, типичный представитель синклеровских миллионеров; его дочь, влюбленная в репортера, у которого нет ни гроша за душой; рабочие, живущие в кошмарных условиях нищеты и бесправия; коммунисты, руководители профсоюзного движения, и, наконец, штрейкбрехеры, шпики и полицейские — все население типичного американского сталелитейного центра. Дочь миллионера порывает с отцом и вместе со своим мужем-репортером активно участвует в борьбе сталелитейных рабочих против чудовищной эксплоатации на заводах «короля стали». Вот вкратце содержание нового романа Синклера.

В своих книгах Эптон Синклер уже неоднократно писал о шпионаже среди рабочих организаций, который все шире и шире применяется предпринимателями в борьбе с пролетариатом. В одной из своих последних книг — о Форде — Эптон Синклер осветил методы шпионажа на заводах «автомобильного короля». В романе «Малая сталь» автор дает более широкую картину этих методов борьбы. Предприниматели не останавливаются ни перед чем. Так, «уполномоченные», на обязанности которых лежала «черная работа», почли за благо подбросить динамит в новую штабквартиру союза, а затем надоумить полицию произвести внезапный обыск. Это было подготовлено при содействии некоего субъекта, который выступил в роли кающегося и чистосердечно рассказал, где и как достал он динамит и что он и прочие комитетчики намеревались с «оным сделать».

В изданной около трех лет назад в США книжке Лео Губермана «Шпионаж в американском рабочем движении» автор, пользуясь цифрами и документами, рассказывает о формах и методах сыска и шпионажа в профессиональном движении США. Он приводит колоссальную цифру—восемьдесят миллионов долларов, которые американские предприятия израсходовали за один год на шпионскую работу среди своих же рабочих. Тысячи сыскных предприятий и предприятий, специализирующихся на разложении рабочих организаций и подавлении стачек, всегда готовы придти на помощь предпринимателям. Разоблачению этих типично американских «фирм» и посвящен роман Синклера «Малая сталь».

Генеральный секретарь компартии США Эрл Браудер, выступивший по поводу печатания романа «Малая сталь» в коммунистической газете Америки «Дейли уоркер», дал лучшую оценку Э. Синклеру. «В отдельных случаях мы расходимся с Синклером, — говорил он,— но мы горячо приветствуем его и восхищаемся им как неутомимым борцом за свободу и демократию. В борьбе за объединенный демократический фронт в Америке Синклер-человек и Синклер-писатель может сыграть большую роль, ибо страстный призыв Синклера привлекает к нему миллионы читателей во всем мире. Его новый роман «Малая сталь» — еще один шаг писателя на его славном литературном пути».

Новый роман — Эптона Синклера, талантливого американского писателя, с интересом и пользой прочтут советские читатели.

Б. НОВИНСКИЙ

ЛИНКОЛЬН СТЕФФЕНС «Мальчик на лошади». Детиздат ЦК ВЛКСМ. 1939.

В книге Ильфа и Петрова «Одноэтажная Америка» авторы рассказывают о своей встрече с Линкольном Стеффенсом, известным американским писателем и публицистом. Больной, прикованный неизлечимой сердечной болезнью к постели, почти семидесятилетний Стеффенс поведал Ильфу и Петрову о своей книге «Автобиография».

«Я хотел написать для своего сына книгу, в которой решил рассказать всю правду о себе. И на первой же странице мне пришлось открыть сыну, как тяжело всю жизнь считать себя честным человеком, когда на самом деле был взяточником. Да, не зная этого, я был подкуплен буржуазным обществом. Я не понимал, что слава и уважение, которыми я был награжден, являлись только взяткой за то, что я поддерживал несправедливое устройство жизни».

Всю жизнь Линкольн Стеффенс верил в американское общественное устройство. Он верил, что те недостатки, которые он видел, происходят не из-за порочности самой системы, а из-за того, что «в нашей администрации мало честных людей. Наш строй хорош, но нужны только честные люди»,— говорил он. Но он понял, что ошибался. Перед ним как перед честным человеком был один выход: бороться против того общества, которое независимо от него заставило его стать «взяточником», подкупило его. И эту борьбу он начал вести. Он вступил в коммунистическую партию. Это произошло за год до его смерти. Линкольн Стеффенс умер, не осуществив своей мечты — увидеть страну социализма, Москву — «столицу будущего», как он называл ее. Он задыхался в Америке. Человек, который всю жизнь верил в «американизм», не мог больше слышать «этого,— как он выразился,— идиотского оптимистического смеха».

«Мальчик на лошади» — изданная в Детиздате первая часть «Автобиографии» Стеффенса. Содержание ее очень просто: мальчик из средней американской семьи живет окруженный любовью и заботами родителей, имеет все, что, по их понятиям, может дать счастье ребенку, дружит со сверстниками, переживает ряд забавных приключений, встречает разных людей, хороших и плохих, учится в школе, а затем в военном училище, совершает благородный поступок, спасая жизнь доброй женщины.

Сколько таких героев, сдобренных огромной дозой слащавой сентиментальности, штамповалось и штампуется в «детской литературе» Запада! У Линкольна Стеффенса этого нет. Автор произведения о себе рассматривает свое детство в перспективе, смотрит на события прошлого глазами человека сегодняшнего дня. «Мальчик на лошади» — очень умная книга. Она заставит всякого прочитавшего ее задуматься над ней. Вызывает сожаление, что эта книга, написанная большим художником, обрывается как-то на половине, кончается вместе с детством героя, которого читатель успел полюбить и хочет знать дальнейшую его судьбу. Очень жаль, что книга Л. Стеффенса не переведена на русский язык целиком.

Ю. С.

ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ

НАШИ ФИЗКУЛЬТУРНИЦЫ.

«Ушедший год оставил мне на память мировой рекорд. Высоко ценю такую щедрость, но скажу по секрету: в новом году постараюсь обменять этот подарок на более высокий рекорд».

Таково было новогоднее пожелание тбилисской легкоатлетки Нины Думбадзе, установившей замечательный рекорд в метании диска.

Выступить с таким пожеланием может не только она одна. Советским спортсменкам принадлежит около десятка мировых рекордов. Эти рекорды они неустанно улучшают. Мария Исакова, депутат городского Совета города Кирова, держит мировой конькобежный рекорд в беге на 1500 метров. Мировые рекордсменки в беге и метаниях — Евдокия Васильева, Ксения Шило, Татьяна Севрюкова, Зоя Синицкая и другие.

Мировая рекордсменка в метании диска Нина Думбадзе.

16 женщин удостоились высокого звания заслуженного мастера спорта СССР. Некоторые из них награждены орденами.

Успехи советских спортсменок — прямое следствие массового вовлечения женщин нашей страны в регулярные занятия физкультурой и спортом. Около миллиона физкультурниц имеют значок ГТО первой ступени, около двух тысяч — значок ГТО второй ступени. Ничто не мешает им укреплять свое здоровье, закалять свое тело, готовиться к высокопроизводительному труду и обороне любимой родины.

Ни дети, ни работа, ни учеба не являются в нашей стране помехой для всестороннего физического совершенствования женщин. Среди победительниц крупнейших соревнований можно нередко видеть спортсменок 30 и более лет, занимающихся спортом с детского возраста, работающих и служащих в учреждениях и предприятиях, учащихся в вузах, имеющих детей.

Осипенко, Гризодубова и Раскова совершили легендарный перелет из Москвы на Дальний Восток. Планеристка комсомолка Ольга Клепикова на 100 километров превысила мужской международный рекорд продолжительности полета. Физкультурница, военный врач Валентина Плющ проявила в боевой обстановке исключительный героизм. Она под огнем противника выносила раненых на перевязочный пункт.

Таковы наши физкультурницы.

ДРЕЙФУЮЩИЙ СТАДИОН

Это название вполне подходит к ледяному полю, окружавшему ледокол «Георгий Седов». У борта корабля славная команда Героев Советского Союза, почти сплошь состоящая из спортсменов и физкультурников, оборудовала каток, волейбольную площадку, ринг, футбольные ворота и даже «байдарочную станцию».

Каждое утро атлет Соболевский, физинструктор Токарев и ярые спортсмены Шарыпов и Бекасов призывали команду на физзарядку. Ее проделывали охотно, но ворошиловский стрелок и борец, капитан ледокола Бадигин, экономя каждую минуту, вскоре предложил заменить зарядку тасканием снега. Так и порешили. Совмещая приятное с полезным, заряжались энергией на трудовой день и одновременно запасались питьевой водой.

В редкие свободные часы за бортом разыгрывались всевозможные соревнования. Гонялись на лыжах, на коньках и байдарках, играли в волейбол. Гоняли клюшками пустые консервные банки, ибо не было хоккейных мячей. Токарев без конца боксировал, боцман Буторин стрелял по мишеням, а Шарыпов, Мегер и Гетман, вооружившись топором и лопатами, вступили однажды в единоборство с белым медведем и умудрились «ликвидировать» его даже без огнестрельного оружия.

Единственный человек команды, ранее не умевший ходить на лыжах, Мегер, потренировавшись, стал заядлым лыжником.

— Внимание, которое мы уделяли физкультуре и спорту в период дрейфа, сыграло немалую роль в нашей победе над суровой природой Арктики,— говорит товарищ Бадигин.

ЭНМЭН.

ШАХМАТЫ

Под редакцией гроссмейстера А. Котова

НОВОИНДИЙСКАЯ

Девятая партия матча

ЭЙВЕ — **КЕРЕС**

1. d2—d4 Kg8—f6
2. c2—c4 e7—e6
3. Kg1—f3 b7—b6
4. g2—g3 Cc8—b7
5. Cf1—g2 Cf8—e7
6. 0—0 0—0
7. Kb1—c3 ...

Теория считает здесь более сильным 7. Фc2

7. ... Kf6—e4
8. Фd1—c2 Ke4 : c3
9. Фc2 : c3 d7—d6
10. Фc3—c2 ...

Белые угрожают ходом 11. Kg5 выиграть качество

10. ... f7—f5
11. Kf3—e1 Фd8—c8
12. e2—e4 ...

Можно было разменять слонов и упростить позицию.

Эйве стремится усложнить игру, однако это оказывается невыгодным для белых.

12. ... Kb8—d7
13. d4—d5 f5 : e4
14. Фc2 : e4 Kd7—c5
15. Фe4—e2 Ce7—f6
16. Cg2—h3 Лf8—e8
17. Cc1—e3 Фc8—d8!

Черные точно рассчитали сложные варианты и теперь остаются с лучшей игрой.

18. Ce3 : c5 e6 : d5
19. Ch3—e6+ ...

После 19. Ce3 d4 черные отыгрывали фигуру

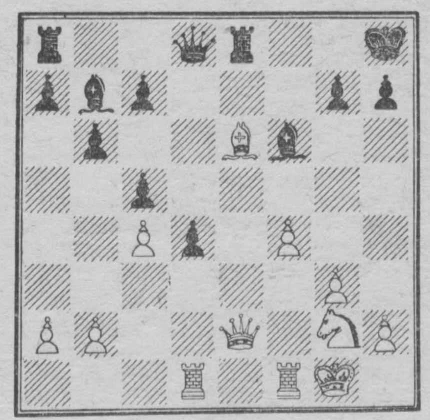
19. ... Kpg8—h8
20. Лa1—d1 ...

Если слон c5 отходит, то черные играют 20... Фe7 21. c : d C : d5, отыгрывая временно пожертвованную фигуру.

20. ... d6 : c5
21. Ke1—g2 d5—d4
22. f2—f4 ...

надеясь после 23. f5 и Kf4 получить некоторую компенсацию за пешку.

Гениальной комбинацией с жертвой ферзя Керес доводит до выигрыша блестяще проведенную им партию.

22. ... d4—d3!!
23. Лd1 : d3 Фd8 : d3!
24. Фe2 : d3 Cf6—d4+
25. Лf1—f2 ...

После 25. Kph1 Л : e6 белые не могли предупредить угрозу сдвоения ладей и вторжения ладьи на e2 с разгромом.

25. ... Лe8 : e6
26. Kpg1—f1 Лa8—e8

Все это нужно было учесть, прежде чем жертвовать ферзя.

Невыгодно брать ладьей f2, так как это только развязывало белым руки.

27. f4—f5 Лe6—e5
28. f5—f6 g7 : f6
29. Лf2—d2 ...

Попытки белых запутать игру не удаются.

На 29. Л : f6 выигрывает 29. C : g2 + 30. Kp : g2 Лe2 + и 31. C : f6

29. ... Cb7—c8!

Угрожая ходом 30. Ch3 окончательно стянуть матовую сеть вокруг белого короля

30. Kg2—f4 Лe5—e3
31. Фd3—b1 Лe3—f3+
32. Kpf1—g2 Лf3 : f4!

Эффектное завершение атаки!

33. g3 : f4 Лe8—g8+
34. Kpg2—f3 ...

Безнадежно и 34. Kph1 Cb7 + или 34. Kpf1 Лg1+

34. ... Cc8—g4 +

Белые сдались, ибо после 35. Kpg2 Cf5 + теряется ферзь, а 35. Kpe4 Лe8 + 36. Kpd5 Cf3 ведет к мату.

КРОССВОРД

СОСТАВИЛА ЧИТАТЕЛЬНИЦА «ОГОНЬКА» К. БОНДЫРЕВА

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

5. Отечество.
9. Дом или дворец сановника, правителя у турок и у балканских славян.
13. Род поэзии.
17. Поддержка.
18. Приток Вислы.
19. Часть ружейного затвора.
20. Имя одной из героинь произведения Лермонтова.
21. Сборник слов в алфавитном порядке.
22. Популярный американский летчик.
23. Музыкальная форма.
25. Наплыв на деревьях.
26. Защитная обшивка боевых кораблей.
28. Потемнение кожи от действия солнечных лучей.
29. Дорожная кладь.
31. Портовый город в Южной Америке.
32. Земельная мера.
33. Название первой части произведения Данте «Божественная комедия».
36. Древнегреческий глиняный сосуд.
39. Игра.
42. Жрец в древней Персии.
44. Селение горцев на Кавказе.
45. Расточительный человек.
46. Немецкий ботаник XIX века.
48. Минерал.
50. Фруктовое дерево.
51. Река во Франции.
52. Отрывок речи в приподнятом тоне.
53. Брусок металла.
54. Болезненное явление.
55. Утес.
56. Мощь.
57. Напиток.
58. Расширение пищевода у птиц.
60. Приток Волги.
62. Домашнее животное.
63. Математический термин.
65. Квалифицированный рабочий.
68. Нота.
70. Нота.
72. Болезнь.
75. Скамейка.
78. Невралгия седалищного нерва.
81. Государство в Азии.
82. Портовое сооружение.
83. Физические упражнения.
84. Город в СССР.
85. Недобросовестный делец.
86. Родовое деление у древних греков.
88. Имя одного из героев произведения Пушкина.
90. Сторона предмета.
91. Ученическая принадлежность.
92. Мифическое существо.
93. Система револьвера.
94. Рыба.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Явление природы.
2. Река в СССР.
3. Материал.
4. Международный договор.
6. Музыкальное театральное представление.
7. Путь.
8. Женское имя.
10. Болотная трава.
11. Рыба.
12. Курорт на побережье Черного моря.
14. Прибор для усиления звука.
15. Скрытая насмешка.
16. Стая рыб.
24. Литературное произведение.
27. Сорт яблок.
29. Отмель в устьях рек.
30. Высокая температура тела.
32. Футбольный термин.
34. Здание.
35. Мужское имя.
37. Столярный инструмент.
38. Южный фрукт.
39. Морское животное.
40. Остров в Средиземном море.
41. Литературный термин.
42. Двигатель.
43. Женская половина в доме богатых магометан.
46. Пушной зверек.
47. Деталь дома.
49. Раствор смолы, употребляемый для защиты поверхности разных изделий.
51. Пищевой продукт.
58. Южноафриканское животное.
59. Тембр мужского голоса.
60. Орган зрения.
61. Мужское имя.
64. Река в Египте.
66. Лирическое стихотворение.
67. Кинжал с трехгранным клинком.
69. Молочный продукт.
71. Одно из измерений поверхности.
73. Морской хищник.
74. Стремительное нападение.
76. Одноклеточное животное.
77. Кружок людей, объединенных неблаговидными целями.
79. Водитель автомобиля.
80. Шолковая ткань.
84. Телеграфное агентство Советского Союза.
87. Музыкальный инструмент или вид скрипки.
89. Местоимение.
91. Бог лесов у древних греков.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 5 «ОГОНЬКА»

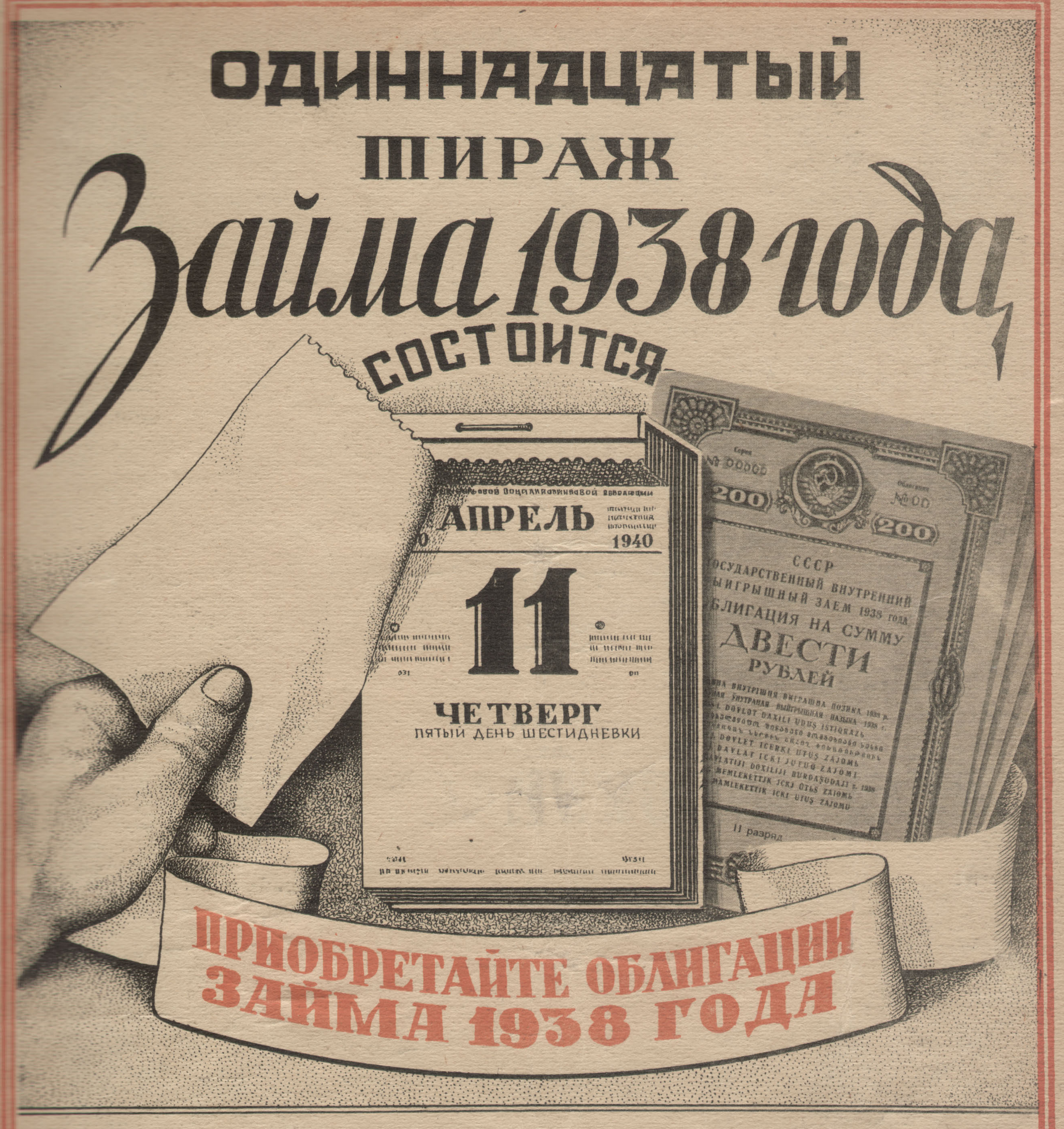
ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

8. Сюжет. 9. Телемак. 10. «Фауст». 15. Тема. 16. Алеко. 17. «Пари». 18. Очерк. 19. Руссо. 20. «Титан». 22. Резец. 23. Грибоедов. 27. Болид. 29. Ленау. 31. Голод. 33. «Демон». 35. Кити. 37. Егер. 39. Роман. 41. «Гений». 42. Мирбо. 43. Дидро. 44. Сатин. 46. Анчар. 48. Рамо. 50. Скат. 51. Тассо. 52. Ворот. 53. Додон. 54. Вирта. 56. «Коновалов». 59. Федин. 60. «Слава». 61. Чапек. 64. «Налим». 66. «Дело». 68. Арани. 69. «Сафо». 70. «Тоска». 71. Погодин. 72. Наина.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Дюма. 2. Перро. 3. Резак. 4. Пепел. 5. Тагор. 6. Санчо. 7. Осип. 11. Левин. 12. Цвейг. 13. Овсов. 14. «Орден». 21. Нулин. 22. Ренар. 24. Иоги. 25. Орлик. 26. Доде. 28. «Декамерон». 29. Лермонтов. 30. «Деревня». 32. Шамиссо. 34. Орина. 36. Терем. 38. «Гудок». 40. «Осада». 45. «Обрыв». 47. «Рудин». 49. Овин. 50. Стол. 51. Тарас. 55. Шерер. 56. Купер. 57. Вулич. 58. Свифт. 61. «Чайка». 62. Катон. 63. «Набоб». 64. Нищий. 65. «Манас». 67. «Овод». 69. Санд.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР И. ШАМОРИКОВ. ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) «ПРАВДА».
Адрес редакции: Москва, 6, Страстной бульвар, 11. Тел. К 2-96-12, К 4-28-45. Непринятые рукописи и кроссворды не возвращаются.
Оформление И. Уразова. Стат. формат 275×360 мм, ⅛ доля, 1½ бум. листа. Техн. редактор А. Котельникова.
Уполн. Главлита А—25688. Изд. № 298. 3. п. л. Знаков в п. л. 105.000. Сдано в набор 16/II 1940 г. Подп. к печати 8/III 1940 г. Заказ № 464. Тираж 300 000.
Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ВЫ МОЖЕТЕ ВЫИГРАТЬ 25.000 рублей, ИМЕЯ ОБЛИГАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ВНУТРЕННЕГО ВЫИГРЫШНОГО ЗАЙМА 1938 года.

ПО ЗАЙМУ ЕЖЕГОДНО проводится 6 ТИРАЖЕЙ ВЫИГРЫШЕЙ.

В каждом тираже разыгрывается 11.360 выигрышей на сумму 7.668.800 рублей, в том числе:	8 выигрышей по 25.000 рублей, 40 выигрышей по 10.000 рублей, 240 выигрышей по 5.000 рублей, 2400 выигрышей по 1.000 рублей и 8672 выигрыша по 400 рублей.

ОЧЕРЕДНОЙ 11-й ТИРАЖ выигрышей СОСТОИТСЯ 11 апреля в Москве.

ОБЛИГАЦИИ ПРОДАЮТСЯ и ПОКУПАЮТСЯ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫМИ КАССАМИ.

Огонек
Цена 50 коп.
РЕГИСТРАЦИЯ
ДЕЛЕГАТОВ
от 482 до 512